

Ukraino-Rossijskij dialog

Nacional'nye interesy
Ukrainy i Rossii:

Украинско-российский диалог:

Национальные интересы

Украины и России:

совпадения и расхождения

sovpadenija i nasloždenija

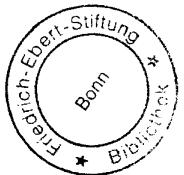
Materialy međunarodnoj

Материалы международной конференции

международной научной конференции

(1996, Kyiv)

A 98 - 08372

Украинский научный журнал "Политическая мысль"
основан в сентябре 1993 года.

Основная тематическая направленность журнала –
проблемы политических и социально-экономических трансформаций
посткоммунистических стран.

"Политическая мысль" – независимое научное издание.

Выходит ежеквартально на украинском, русском
и английском языках.

Адрес редакции:

Украина, 252030, г. Киев-30, ул. Леонтовича, 5.
тел./факс – (044)225-02-29

Индекс журнала "Политическая мысль"

для подписки на 1997 год

74374 – украинское издание

74375 – русское издание

74642 – английское издание

Материалы конференции изданы при поддержке
Фонда им. Фридриха Эберта

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УКРАИНЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Александр ДЕРГАЧОВ 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Александр ЦИЛКО 9

ГРАЖДАНСТВО В УКРАИНЕ И РОССИИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Сергей МАКЕЕВ 13

УКРАИНА В СОЗНАНИИ РОССИЯН. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Петр ФЕДОСОВ 21

УКРАИНА И РОССИЙСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Григорий ВОДОЛАЗОВ 27

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ УКРАИНЫ И РОССИИ

Владимир ПОЛОХАЛО 31

РОССИЯ И УКРАИНА: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Александр ГОРЯНИН 37

УКРАИНА И РОССИЯ: РАЗЛОМ КУЛЬТУР

Евгений БЫСТРИЦКИЙ 42

ВЫСТУПЛЕНИЯ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ УКРАИНЫ И РОССИИ:

ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ

Евгений КАМИНСКИЙ 49

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ В УКРАИНЕ: НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ	
<i>Валерий ХМЕЛЬКО</i>	52
ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ	
<i>Виктор НЕБОЖЕНКО</i>	55
РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ УКРАИНЫ	
<i>Владимир СИДЕНКО</i>	60
РОССИЙСКАЯ И УКРАИНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ	
<i>Джеймс МЕЙС</i>	63
УКРАИНА И РОССИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Игорь БУРАКОВСКИЙ</i>	65
ИДЕЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ДИСКУССИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ВЛАСТЕЙ	
<i>Николай ТОМЕНКО</i>	67
НЕОНОМЕНКЛАТУРНАЯ ВЛАСТЬ В УКРАИНЕ И РОССИИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Николай ГОРЕЛОВ</i>	70
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УКРАИНЫ И РОССИИ В РАМКАХ СНГ	
<i>Виктор БУДКИН</i>	74

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УКРАИНЫ И РОССИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Александр ДЕРГАЧОВ — заведующий кафедрой политологии Национального университета "Киево-Могилянская Академия", заместитель главного редактора журнала "Политическая мысль", кандидат исторических наук

Проблема самоидентификации является первичной, базовой для органичной интеграции новых государств в систему международных отношений, по крайней мере в ее цивилизованную часть. Однако она не является в полной мере осознанной, более того, эта проблема сознательно упрощается и даже игнорируется. Властный истеблишмент и в Киеве, и в Москве считает эту проблему ясной и в принципе решенной, хотя само понимание самоидентификации в двух столицах существенно разнится. Очевидно, в этом проявляется потребность легитимизации власти и демонстрация зрелости государственности. Такой подход распространен и в среде общественно-политических сил широкого спектра. Традиционный патриотизм в этом случае особенно настойчиво требует всеобщего признания желаемого в качестве действительного.

Проблема самоидентификации, выявление реальных национальных интересов и поиска адекватной внешнеполитической стратегии существует как бы подпольно. Ей не находится места среди официальных задач власти, она зачастую обходится либо подменяется в программах оппозиционных сил. Общество не желает и не способно признать себя незрелым, не обретшим свое лицо. Тяжкую обязанность самоанализа, критической самооценки способна выполнить только интеллектуальная элита.

Конкретное содержание проблемы самоидентификации для Украины и России, особенно с учетом геополитических параметров, имеет больше различий, чем общего. Тем в большей мере его комплексное рассмотрение практически значимо для понимания сегодняшних проблем и перспектив двусторонних отношений: суверенитет Украины почти равнозначен ее отделению от России; одна из наиболее сложных составляющих самоидентификации современной России — осознание того, что придется быть "на Украину меньше" и воспринимать это состояние как естественное.

Для России новизна ее положения на международной арене неочевидна. Здесь срабатывает мощная и весьма противоречивая инерция, доминирует концепция государства — продолжателя СССР. Она при безусловной международной поддержке воплотилась в статусе РФ в международных организациях от ООН до ФИФА, в роли, учас-

ледованой Россией в системе договоров по ограничению вооружений и разоружению. Кроме того, российские масштабы, военный и ресурсный потенциал во многом задают параметры самоидентификации. В этих условиях возникает и фактически срабатывает соблазн сосредоточиться на удержании и восстановлении позиций предшественника и не ставить под сомнение, не переосмысливать сколько-нибудь глубоко то, какой фактически была его роль. Политика России отражает ее нежелание, во-первых, отказаться от особых прав и роли, а во-вторых, оказаться при этом в изоляции. Такой курс вполне утвердился и так или иначе поддерживается всеми основными политическими силами.

Характерно, что степень переоценки прошлого в сфере внутренней политики оказалась значительно выше, чем в сфере политики внешней, хотя вряд ли для этого было меньше оснований. Москва не озабочена реальным установлением доверия и паритетности во взаимоотношениях с бывшими союзниками, качественной трансформацией внешнеполитического курса, смений ценностных ориентиров и места в системе международных отношений. Очевидно, это не считается соответствующим национальным интересам России и угрожает повторением ошибок минувших десятилетий.

Российский фактор является основной проблемой на пути унификации общеевропейских отношений, процесса, развернувшегося после распада восточного блока и СССР на основе принципиального совпадения понимания общих интересов, проблем, риска, путем расширения зоны функционирования западных стандартов межгосударственных отношений. Речь идет об особом видении Москвой основных проблем международных отношений, тенденций их развития, ее несогласии играть по правилам, сложившимся в евроатлантическом сообществе и очевидном приемлемым для многочисленных претендентов на вступление в Европейское Сообщество и НАТО. В какой пропорции это несогласие определяется самими масштабами России, наличием у нее объективных жизненных интересов за пределами европейского континента, а в какой качественными параметрами развития российского общества или же цивилизационными характеристиками, — отдельный и очень сложный вопрос.

Для Украины важное практическое значение имеет констатация "дозированности" совместности стратегий, исповедуемых в международных делах, в том числе и особенно в области безопасности, ее основными партнерами. В то же время сочетание, гармонизация отношений и с Россией, и с Западом являются жестким императивом для нашей страны как сегодня, так и на перспективу. Необходимость

выбора между ними привела бы к опаснейшему подрыву национальных интересов Украины. Однако и в современной ситуации уделом Киева остается непоследовательное маневрирование, при котором реализация собственной стратегии и сколько-нибудь эффективное отставание национальных интересов вряд ли возможны.

В отличие от России для Украины задача определения собственного места на международной арене, обретения четких характеристик в качестве субъекта международных отношений практически не детерминирована конкретными концептуальными наследием и тем более государственной традицией. Для нее значима, прежде всего, реальная ткань связей с внешним миром, на сегодня столица не гармонично развитая в европейском и евразийском направлениях. Глубина и многомерность двусторонних украинско-российских связей во многом определяют расплывчатость внешнеполитических приоритетов Киева.

Украинское общество еще не определило свои национальные интересы, не сформулировало какие-либо общепризнанные долгосрочные цели. Относительная активность Киева в европейских делах — скорее проявление боязни изоляции, рефлекторных действий, призванных компенсировать российский фактор. Украина сегодня стремится в Европу в силу волевых правительственные решений, но подкрепленных конкретными общественными потребностями. При этом сегодняшний внутриполитический курс властей отнюдь не способствует росту таких потребностей.

Украина при нынешнем руководстве дистанцируется от евразийских интеграционных процессов, однако при этом не в состоянии реализовать европейскую альтернативу и зависит в состоянии геополитической неопределенности. В то же время мощная левая оппозиция весьма откровенно провозглашает евразийские приоритеты и готовность следовать в фортепиано России. В условиях крайней слабости гражданского общества и все еще не достигнутой внутренней интегрированности смена курса может оказаться и резкой, и легкой. Влияние Запада хотя и усиливается по сравнению с влиянием России, но и остается поверхностным. В современных условиях российский и европейский факторы, приложенные к такому специальному объекту, как Украина, являются разнонаправленными, в значительной мере конкурирующими. Гармонизировать и максимально использовать их с учетом собственных интересов — основная задача внешней политики Украины.

Очевидно, что Украине ни сегодня, ни в ближайшей перспективе нельзя рассматривать как полноправного и вызывающего реальный партнерский интерес участника европейских интеграционных структур. Одновременно сохраняется глубокая зависимость украинской экономики

от складывавшихся десятилетиями инфраструктур и специализации, от российских энергоносителей и российского рынка. Остаются крайне важными и практически ничем не заменяемыми евразийские взаимосвязи в гуманитарной и социальной сферах. Преимущественно евразийское бытие все еще на практике не имеет альтернативы. Как следствие в последнее время в политических и научных кругах Украины получил развитие pragматический подход — стремление к гармонизации европейских и азиатских социокультурных начал в контексте создания оптимальной, а по сути синкретической модели общественного развития.

Позиция Украины весьма специфична. Ее "нейтральность" возникла вследствие ситуативной потребности в закреплении суверенитета, но, главным образом, она является закономерным проявлением неопределенности, переходного состояния украинского общества. В нем еще не вызрели внутренние предпосылки для однозначного выбора относительно базовых ценностей, стратегии развития, geopolитической ориентации, сохраняются существенные расхождения в оценках содержания и источников угрозы национальной безопасности. В действиях власти это, в частности, выражается в инстинктивном подстраивании под привычный и "преверенный" российский патернализм и соответственно в боязни попасть в зависимость от потенциальных новых, непривычных и гораздо более требовательных к "качеству власти" партнёров. Также очевидно, что слабой киевской власти не хватает ни воли, ни способности целенаправленно выстраивать новые отношения с Западом, "чреватые" трансформацией общества и его возможным усилением относительно власти. В то же время даже проигрышное партнерство с Москвой способно поддержать власть, дать ей определенные гарантии; при этом такая стратегия не требует больших усилий, — достаточно подыгрывать действиям России.

Украинско-российские отношения на современном этапе очевидно распадаются на два уровня: межличностный, массовый, отражающий достаточно глубокую общность, и межгосударственный, более чем противоречивый, все еще не создавший собственной качественно новой основы. Современная драма двусторонних отношений заключается не в формальном разъединении и трудностях общения, тем более не в отсутствии проблем текущих межгосударственных отношений, а в слабости обществ двух стран, в их уязвимости относительно собственных государств. Левиафан современной российской и украинской державности деформирует отношения между народами, называемые неконструктивные идеологические догмы и стратегии, не соответствующие реальным национальным интересам. Это и создает ситуацию, когда ни антиукраинский российский патриотизм, ни антироссийский украинский патриотизм не считаются подлинными и не могут быть дееспособными.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Александр ЦИПКО — главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор философских наук

Распад СССР — это факт позитивный в том смысле, что, на мой взгляд, нет массовой базы для имперского мессионизма и экстремизма, для каких-либо партий, которые бы пожелали силой восстановить бывший Союз. Для этого нет никакой базы — ни социальной, ни психологической. Поэтому, по-моему, и произошел распад СССР. Мы все помним эту историю. Но что все-таки меня путает?

Первое. Проблемы самоидентификации в Российской Федерации складываются намного сложнее, чем на Украине. Да, на Украине это просто. Чем больше антируссости, тем больше вспоминают о Екатерине II, о голоде 32-33 годов. Здесь это — негативная идентификация. Она имеет очень много негативных последствий. Но эта идентификация идет. С российской идентификацией все гораздо сложней. Внешне, казалось бы, уникальные условия, 80% этнических русских, 3-4% — которые в паспорте пишут украинцы и белорусы. Казалось бы, по логике идентификации должна произойти так, как во всех постсоветских республиках, то есть как национальная идентификация, но этого не происходит. И, на мой взгляд, к счастью, потому что, если бы так происходило, как в других республиках, мы неизбежно шли бы к русскому этническому национализму, мы бы шли к русскому этнонациональному государству. Поэтому очень хорошо, что само-идентификация в России не происходит так, как в Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, хотя соотношение этнического ядра больше, чем в этих республиках.

Но тем не менее проблема остается и тут нерешенный вопрос. Одно дело, что это зафиксировано историей: существует независимое Российское государство. Какая идентификация возьмет вверх: или этнонациональная русская, или православнорусская, или старая имперская культурная идентификация. По-моему, лучше всего культурная: мы дети этого государства, дети этой культуры. Это лучший вариант. Но этот вопрос не решен. И это обстоятельство создает поле неопределенности.

Второе. Все помнят, что я был противником не распада СССР, я был за выход всех, кто хочет выйти. Я был против той формы распада, ибо я считаю, что распался не СССР, а распалась метрополия. И

никто мне не докажет, что есть какая-то разница между Краснодарским краем, Херсонской областью, моей родной Одесской областью — там (в Краснодаре) половина людей говорят на украинском языке.

Это уже необратимо. Поэтому не будем возвращаться в прошлое. Я в данном случае представляю Россию, я об этом пишу в российской прессе и об этом буду говорить здесь. Меня пугает непоследовательность российской политической элиты. Это те люди, благодаря инициативе которых произошел распад метрополии в такой грубой, вульгарной форме. Я имею ввиду Ельцина и всю его команду, которая несет основную ответственность за то, что произошло (распад метрополии), а теперь применяет форму двух стандартов.

Вы напрасно думаете, что они по отношению к Западу такие независимые. Какие они независимые? Операцию российского президента приурочили на час позже выборов Клинтона, чтобы не дай Бог не помешать и не сбить голоса у президента США, потому что вся администрация Ельцина связана на администрации у Клинтона. Какое это независимое государство? По отношению к США они ведут себя как колония в худшем смысле слова. Это вообще не государство. А вот по отношению к Украине тон окрика. Нынешняя политическая элита России, таким образом, вносит раскол между двумя братскими народами. И я проиную это не потому, что я украинец по паспорту, а потому, что это нечестно и несправедливо. Когда мы шли на распад СССР, мы не осознавали: он означает, что все принадлежащие Российской Федерации, точно также принадлежит и Украине. Естественно, Севастополь — это украинский город, и весь Черноморский флот по логике этой должен был остаться Украине. Если вы на это идете, как политики, то вы должны нести ответственность за свои решения. Если по отношению к США Россия ведет себя как колониальная страна, не имеющая ни достоинства, ни национальных интересов, ни государственного инстинкта, то по отношению к Украине она провоцирует различные проблемы. Вот Севастополь они вспомнили, город русской славы, а где вы были, когда объявляли суверенитет РСФСР в 1991 году? Но есть и третий аспект, который опаснее первого, то есть самоидентификация не сложилась. Элита ведет себя непоследовательно и провокационно, но, кстати, в этом случае Ельцин еще лучше, чем другие.

Ведь было время, когда Верховный Совет России проголосовал за суверенитет нашей Федерации, а теперь Дума пробует силовыми методами решить вопрос о Черноморском флоте.

Третий вопрос — уже проблема Украины и России. Ситуация в этом пространстве весьма негативна с социальной точки зрения.

Политологический анализ свидетельствует о том, что Россия входит в формажорную ситуацию. Здесь мы имеем самую большую опасность и для независимой России и для независимой Украины, ибо в случае волны недовольства в России — это хлебный бунт, Февральская революция.

Точно также и распад СССР — это тоже своеобразное 8-9 декабря, нечто непонятное. Все полетело. И вот мне думается, что этот третий фактор для Украины по ситуации близок тоже, хотя пресса и телевидение достаточной информации не дают. Ситуация склоняется к социальной неопределенности и росту недовольства. Мы имеем дело с необратимыми процессами. С точки зрения исторической — это хорошо, что необратимы. Политические элиты должны нести ответственность за свой выбор.

И последнее. В России нет, конечно, еще Российского государства, российской власти. Мы имеем сейчас 3-4 группы политиков или три титана власти, сейчас и в ближайшее время будут решать свой спор. Мне кажется, будущее российско-украинских отношений во многом зависит от того, как решится этот спор.

Первая группа, которая сейчас у власти — Ельцин, Чубайс, Потанин, Дьяченко, Гусинский. Это люди, которые выиграли президентские выборы. Выборы, конечно, были нервные и нечестные. Это не означает, что было бы лучше, если бы победил Зюганов. Это другой вопрос. Сейчас эти люди контролируют ситуацию, и Чубайс практически герант. Здесь мы имеем одну группу.

В это же время у нас усиливались, и я считаю это позитивным, группа Черномырдина. Это естественно. В группу Черномырдина надо включить Куликова и других "силовиков". Лебедь "полетел" не потому, что против него был Чубайс, а потому, что в этом громадной роль сыграли Черномырдин с Куликовым. Короче говоря, вторая группа имеет реальные шансы на власть, на будущее России. Мы имеем и третью группу — оппозицию: Зюганов, Народно-патриотический Союз России.

Четвертую группу — это Лебедь и национал-патриоты. Они озвучивают очень сильные настроения в России, согласно которым нужна новая кровь, дабы все смести и навести порядок. Я назвал четыре группы, но реально мы имеем три. Первая — это те, кто сейчас у власти, вторая — это усиливающийся союз Черномырдина, Зюганова с оппозицией и вот эта третья сила. Я не говорю, что у них нет ничего конструктивного. Группа стоит очень сильно. Я проверил по многим дискуссиям: молодые, те кто раньше стоял на демократических позициях, сегодня говорят однозначно: "нам нужна новая

сила, нам нужна новая имперская Россия".

Нельзя сказать, что ведется какая-то сознательная политика и по отношению к русским в ближнем зарубежье. Здесь превалирует инерция, отказ от серьезного разговора. Высшее руководство КПРФ не имеет собственной позиции ни по проблеме Северного Казахстана, ни по Черноморскому флоту.

Я не абсолютизирую эти проблемы, они просто являются проверочными тестами. Коммунисты не поднимают эти вопросы, ибо они живут в соответствии с установившейся интернационалистской идеологией.

Мне кажется, что судьба российско-украинских отношений во многом будет зависеть от того, насколько жизнеспособными будут первая либо вторая группы. Было бы предпочтительнее, чтобы к власти пришел Черномырдин с оппозицией. Я думаю, при этих двух вариантах у нас есть возможность развивать наши отношения нормально. В идеале это были бы отношения аналогичные отношениям США и Канады.

Старая номенклатура не была национальной. Поэтому в отношении Украины у нее нет шовинистических настроений. На мой взгляд, если бы в России удалась консолидация политической элиты за счет такого союза (назовем его старой партийной номенклатурой, перешедшей на демократические позиции или поддержавшей реформы) – было бы прекрасно. Потому что Кучма и Мороз – точно такие же люди. Они говорят на одном и том же языке и дай Бог, чтобы ближайшие пять лет наши страны контролировали были именно политики этого типа. При другом любом варианте развития событий у российско-украинских отношений может быть гораздо худший исход. Если власть возьмет третья сила (Лебедь), она может использовать социальный протест, добавив к этому национальный момент. Эта сила неизбежно будет провоцировать конфликты на бывшем постсоветском пространстве, поскольку она сможет удержать власть только благодаря национально-этнической идеи.

Вот очень коротко мое видение возможных сценариев.

Первый – сохранение власти Ельцина и всей прозападной группировки. Внешне для Украины это хорошо, хотя с точки зрения морали – не имеет ничего позитивного, но по крайней мере будет мир. Эти люди стоят на позициях так называемой новоимперской идеологии. Как говорит С. Караганов: "а вы просто приползите сюда, потому что у вас ничего нет."

При победе второй группы (старой политической элиты внутри России и таковой же в Украине) наши страны найдут общий язык и смогут договориться. На мой взгляд, это – лучший вариант.

И, наконец, наихудший вариант – приход к власти в России третьей силы, зиждящейся на национальной волне, выступающей под этнонациональными лозунгами. Его следует бояться и нам и вам.

ГРАЖДАНСТВО В УКРАИНЕ И РОССИИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Сергей МАКЕЕВ – доктор социологических наук, заведующий отделом Института социологии НАН Украины, редактор отдела социологии политики журнала "Политическая мысль"

Несоразмерность национальных интересов России и Украины столь очевидна и довлеющая, что, если не обсудить данный факт с самого начала, вероятность обретения нужного тона и направления рассуждений заметно снизится. И в самом деле, Россия предпринимает отчаянные попытки остаться в "клубе мировых лидеров", наставляя на своем праве вносить изменения в символические начертания исторически значимых цифр (исправляя, в частности, "семь" на "восемь"). Перед Украиной же задача совсем иного масштаба: ей еще только предстоит утвердиться в качестве суверенного члена мирового сообщества, различаемого и признаваемого не только искусшими политиками, но и рядовыми индивидами в разных странах и на разных континентах. При столь отличном содержании решаемых задач не может не быть и разительных отличий в приоритетах и стратегиях внешней и внутренней политики, подтверждающих и воспроизводящих несогласимость национальных интересов. Именно в этой связи и возникает вопрос о том, возможна ли некая общая почва, на которой можно было бы с шансами на успех обсуждать проблему совпадения и рассогласования национальных интересов двух стран.

Перспективы обретения такой почвы представляются достаточно обнадеживающими. Вот одно из вероятных направлений развития аргументации. Не очень понятно, в силу каких обстоятельств, но повсеместно утверждалось убеждение, что формулировать и артикулировать национальные интересы, пусть даже и несоразмерные, – занятие высокопоставленных политиков, приближенных к ним экспертов или же неангажированных аналитиков, но никак не обремененных повседневными заботами обычных людей. Разумеется, отнюдь не первый и даже не десятый встречный на улице окажется в состоянии более или менеенятно и вразумительно высказаться относительно национальных интересов страны. Гораздо естественнее для него говорить о тяго-

таких и неустроенностих для сегодняшнего, о своем смятении перед неопределенным будущем, о личном опыте отношения к недавнему прошлому. Именно это содержание жизни, постоянно подтверждаемое присутствие в ней или, напротив, тревожное размножение недувсмысленных знаков проблематичности присутствия в социальном пространстве, соотносимости с ним и принадлежности к нему, т.е. некую совокупность лично значимых экзистенциальных проблем - вот что единственное мог бы предложить обычный человек в качестве цели большой и малой политики, а может быть, и приоритетного национального интереса. Предложить, поскольку не обнаруживает их в современном политическом процессе – ни в словах, ни в делах властей всех уровней, безразлично России ли, Украины ли. Предложить как протест против поразительной деперсонализации, дезэкзистенциализации подавляющего большинства официально провозглашаемых целей.

С известной долей упрощения лично значимую совокупность экзистенциальных проблем можно свести к проблеме гражданства. Здравый смысл и расхожее мнение легко, но и не без оснований трактуют гражданство прежде всего как подданство. И тем самым фиксируют неоспариваемую общественную и персональную значимость принадлежности к некоему надличностному телу. Если кому-то отказывают в удовлетворении этой несомненно витальной потребности принадлежать, то есть легитимно присутствовать, вступая в неотчуждаемые права, в том числе и в право на защиту и опеку со стороны надличностного образования, то подобный акт означает выведение за пределы данного социума, объявление данного индивида или группы индивидов "асоциальными", "чужими", более того, подлежащими депортации, насильственному изъятию из социума. Отсутствие подданства проблематизирует сами основания индивидуального существования. Причем весьма странным образом практики непризнания подданства получили импульс к распространению в последнее десятилетие, десятилетие впечатляющей победы идеи демократии над идеей тоталитаризма ("афрофранцузы" во Франции, русские в странах Балтии).

Однако в социальной науке сложились и более сложные концепции гражданства. Согласно воззрениям, развитым почти три десятилетия назад, оно рассматривается в перспективе гражданских прав: а) гражданские права – свобода слова, религии, равенство перед законом и т.п., б) политические права – всеобщее избирательное право, участие в политических партиях, короче – демократия, в) социальные права – на получение образования, на жилье, медицинское обслуживание и

т.п. (Marshall T.H. "Class, Citizenship, and Social Development.- New York: Doubleday, 1965). Как известно, М.Бебер к трем условиям утверждения капитализма – рациональное законодательство, бюрократическое государство и недуалистическая экономическая этика добавлял еще одно – конституирование граждан, т.е. формирование носителей гражданства путемобретения известной автономии от аристократии, государства, города практически всем населением. Иначе говоря, гражданство означает не только принадлежность, но и участие в совместной жизни, понимаемое как реализация совокупности прав.

И, наконец, третий аспект гражданства, отчетливо прописывающий в контексте идей Ю.Хабермаса о коммуникативном обществе, в котором отдельные люди и совокупности людей находятся в состоянии непрерываемой коммуникации, в идеальном случае выстраиваемой согласно критериям истинности и искренности, которая преодолевает естественно возникающие непрозрачности в совместно обживаемом пространстве взаимодействий. Говорить, слушать, слышать и понимать оказывается как условием неискаженной, нетравмированной коммуникации, так и условием жизнеспособности и самосохранения социального целого.

В контексте подобных идей легко принять тезис о том, что гражданство, а также продуцируемые им различные типы персональной и коллективной идентичности являются обязательной составляющей современного политического тела (страны, государства), обладающего легитимной суверенностью над территорией и населением. Это же и означает, что гражданство (совокупность важнейших экзистенциальных проблем, связанных с обретением либо же проблематизацией идентичности) не поддается исключению из круга сюжетов и тем, которые соотносимы с национальными интересами. Политическая воля и соответствующая ей деятельность могут не включать проблемы гражданства в перечень приоритетных – так обычно происходило в СССР и продолжает происходить в большинстве постсоветских стран, но принципа это не меняет.

Принадлежать к конкретному политическому и социокультурному образованию, а также принимать участие в общих делах есть некое нормальное состояние. Достигая определенного возраста, каждый индивид обнаруживает себя принадлежащим к нации и стране, включается в общую, а значит, и общественную деятельность. Ощущение и знание принадлежности даются непосредственно, а потому оказываются органическими, не требующими рационального или коммуникативного обоснования. Тем не менее, цивилизационная работа либеральной демократии заключалась, помимо всего прочего, в формировании

такого индивида, который не удовлетворяется слепым и почвенническим ощущением принадлежности, но и знает о своих правах, способен действовать в согласии с ними, оказывать давление на действующих дизайнеров и оформителей институциональной и политической реальности (политиков и власти предержащих).

Однако на пространствах, занимаемых Советским Союзом, культивировалось, пожалуй, лишь "естественное гражданство". Имеющийся опыт подсказывает, что исключительно экстраординарные события могут побудить пересмотреть естественно-органические основы принадлежности и идентичности. Так, собственно, и произошло после распада СССР: с обретением суверенитета проблема гражданства (идентичности) актуализировалась и в России, и в Украине.

Сходство состоит в том, что она актуализировалась для граждан, но отнюдь не для власти или общества в целом. Косвенным подтверждением тому является как вялотекущий публичный дискурс на эту тему, так и отсутствие гражданства среди приоритетных национальных интересов – естественным ходом вещей гражданство и соответствующие ему идентичности отнесены к разряду персональных проблем.

Итак, в предельно сокращенной формуле, гражданство – это принадлежность, участие с разной степенью вовлеченности и коммуникация. Или, более социологично, это, во-первых, совокупность ожиданий по поводу соблюдения основных прав и свобод и, во-вторых, совокупность индивидуальных и коллективных жизненных практик по реализации все тех же прав и свобод. Отсюда становится очевидным, что проблема гражданства актуализируется единственно и исключительно на разворотах движения в сторону свободы. Необходим некий минимум свободы, чтобы частный и публичный разговор о гражданстве мог иметь место. Свобода и гражданство – слова одного языкового кода, предназначенный для конструирования соответствующих значимостей. Пожалуй, налицо достаточно признаков того, что в России, и в Украиной такой минимум уже обретен. И в этом смысле проблема гражданства возникает перед обеими странами впервые в их истории.

Ясен и общий контекст формирования гражданства в обеих странах. Его можно поименовать одним словом – неопределенность. Не только обыкновенный человек, но и искушенные эксперты испытывают серьезные затруднения с распознаванием возникающей реальности. Прежняя, бытовавшая ранее реальность зачастую уже не узнается, а новую порой никак не удается соотнести с имеющимися хождение в обществе идеями и ценностями. Неопределенная реальность же проб-

лематизирует принадлежность, участие и коммуникацию, проблематизирует идентичности.

Однако, между Украиной и Россией есть и принципиальные отличия. Прежде всего, чтобы конструировать гражданство и поставлять индивидам материал для идентичности, Россия не нуждается в Украине. Но в Украине невозможно созидать гражданство и идентичности вне соотнесения с Россией – без противопоставления ей, без отрыва от нее, без установления отливий и дистанций. Следы принципе невытесняемого присутствия России легко обнаружимы как пристальным, так и рассеянным взором. И даже в тех случаях, когда вытеснение оказывается технически возможным (например, из радио или телевизионного пространства), подобное действие лишь выразительно указывает на значимость России в поисках Украиной собственной, незаимствованной идентичности.

Вот почему применительно к России мы, вероятно, можем говорить лишь о частичном поражении органического чувства принадлежности. В конце концов в XX веке в мире никто и никогда не сомневался в существовании "русских", а стало быть, и "России", под какими бы историческими именами она ни выступала и какие бы народы в свой состав ни включала. Органическое чувство принадлежности к территории, истории, культуре пострадало постольку, поскольку отсоединены и обрели самостоятельность отдельные части некогда единого целого. Оно только пострадало, но не подвергнуто сомнению. Конечно же, ставшее "не нашим", отпавшее оказывается источником напряжений и неудовлетворенности, воздействует на общественное настроение, обсуждается приватно и публично. Но оно, как представляется, не вызывает и не подталкивает к переводу проблемы гражданства в более широкий, рационально-дискурсивный контекст.

Ситуация в Украине существенно иная. Для большей части населения состояние органической принадлежности утрачено, причем утрачено, видимо, навсегда. Проблема идентичности возникает для него во всей своей обостренности и актуальности и к тому же во многом совпадает с проблемой конструирования гражданства исключительно посредством рационального продумывания и обсуждения. Конструирования индивидуального – в виде идеальных моделей социального устройства, соответствующего надеждам и устремлениям граждан. Конструирования общественного – построения организаций и институтов, обеспечивающих соблюдение основных гражданских прав, в кооперации с другими участниками "Общественного договора". Можно предположить, что потеря чувства органической принадлежности способна стать дополнительным стимулом к активизации деятельности

по созиданию нового гражданства. Однако события в Украине отнюдь не во всех случаях подтверждают такое предположение.

В ее территориальном пространстве мы фактически наблюдаем, по крайней мере, две различные формы государственной принадлежности. На западе и в центре практически безусловно принимается новая государственная идентичность (принадлежность). Но среди жителей восточных и южных областей распространены идентичности с прежним государством – в качестве некоей тоски по организованному определенным образом пространству, по целостности, которая неизмеримо легче представима для части населения, чем любого рода дискретность или обособленность государственного существования. Создание таких людей противится замене одной тотальности на другую, то ли вследствие неподготовленности к такой замене, то ли в результате невозможности принять и признать ее. К тому же идентичности с воображаемым и символическим "прежним" миром располагают к отклику на политические призывы реставрационным общественным работам. Но тот факт, что в горизонтах чувствования и переживаний обособленного индивида они не вступают в открытый конфликт с так же регистрируемыми сегодня иными идентичностями, по сути не согласующимися с ними, говорит скорее об их "живучести", а не жизненной силе.

Несомненно, что идентификация с государством тесно связана с установлением идентичности самого государства. Любые объективизации государственности безусловно играют существенную роль. Как, вероятно, и разнообразное воздействие на ценностную сферу массового сознания, способное отозваться и рационально опосредованной реакцией, и суггестивным эффектом. Известны примеры с пафосом сопоставимости размеров Украины с территорией крупной европейской страны, с утрированной самоцентричностью международных новостей национального телевидения прессы, никак не подтверждаемой невысоким интересом к Украине в мировой коммуникации, в чем можно усмотреть механизм провинциального сознания утверждать свою идентичность за счет настойчивого огораживания собственного пространства как самоценного и самодостаточного в своей обзорности и подконтрольности. И Россия именно та страна, от которой отгораживаться необходимо в первую очередь, без нее совершенно невозможно обрести искомую идентичность и утвердиться в ней.

Вместе с тем население все еще неуверенно идентифицирует свое государство. Подлинная независимость и суверенность нового государства – как о том нам сообщают результаты опросов – для значительной части фактических граждан остается проблематичной. Иное дело,

что довольно критические оценки достигнутой степени независимости, тем не менее, сопровождаются уверенной идентификацией с государством на западе и в столице, вплоть до практически массового отриятия на юге и востоке. Невнятость маркировок выбранного и присваиваемого пространства неизбежно оказывается на распространенности ситуативных, заведомо нестойких идентичностей в данной сфере, на что указывает очевидное нежелание многих жителей востока и юга, а отчасти и центра (но не запада) поддержать декларацию о государственном суверенитете, случись это еще раз после 1 декабря 1991 года.

Впрочем, отношения населения России и Украины к государству не столь уж просто, чтобы описать его при помощи дихотомической шкалы оценок. Обе страны сегодня довольно небезопасное место обитания. Безопасность самого разного рода – от физической (жизни), экологической (угрозы исходит от неблагоприятной окружающей среды и неизвестного происхождения продуктов питания) до социальной (резкое сокращение числа социальных позиций, обеспечивающих приемлемый уровень жизни) – пожалуй, наивысшее благо и самый острый дефицит для жителей. Множатся ситуации, в которых индивиды резко ограничиваются в доступе к жизненно важным благам и ресурсам, будь то образование, медицинская помощь или заработная плата. Индивиды как бы приостанавливаются внешними и довольно жесткими обстоятельствами в своих правах, что фактически означает ограничение их участия в совместной жизни, замедление темпов формирования гражданства.

В России же, на мой взгляд, препятствием к формированию гражданства являются не столько несформировавшиеся идентичности, сколько ускоренно складывающиеся национально-региональные идентичности, чему способствует закрепленная в праве норма о субъектах Федерации. К тому же и делящаяся в наших странах ситуация передела собственности и власти оттесняет проблему гражданства на дальнюю периферию общественных интересов. Универсалистские основания идеи гражданства пока еще уступают в конкуренции с полными витальных энергий региональными движениями, а Кавказ уже утвердился в роли основного оппонента общероссийского гражданства.

С коммуникацией так же не все просто. Дело в том, что и в России, и в Украине сложились и утвердились вполне определенные и весьма схожие разделения. Основным, на мой взгляд, является разделение на обособленные и автономные сферы политики и власти, с одной стороны, и сферы повседневных экономических и бытовых практик, с другой. Подобное деление, позволю себе напомнить, отнюдь не новость,

оно концептуально сформулировано не сегодня и даже не вчера. Еще в начале 70-х годов Дэвид Локвуд вводит различение между системной и социальной интеграцией. Системная интеграция есть продукт деятельности деперсонализованных институтов, а социальная — продукт взаимопонимания и согласованного определения ситуации, достигнутых преследующими различные интересы и цели индивидами, т.е. субъектами, постоянно находящимися в состоянии конфликта. В "Теории коммуникативного действия" Ю.Хабермас критически рассматривает наследие Парсонса и вводит противопоставление "системы" и "жизненного мира" с их различными субъектами, детерминантами поведения и стратегиями действия.

Это деление, таким образом, универсально, дело лишь в том конкретном облике, который оно принимает. По крайней мере в Украине сегодня — это замкнутые, непрозрачные, непроницаемые и практически самодостаточные сферы. Коммуникация между ними минимальна и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению: власть никак не объясняет свое поведение, хранит молчание о планах, не слышит исходящие снизу призывы и требования, не придерживается издаваемых ею же законов, не управляет ситуацией и не признается в этом. Основная масса граждан также не торопится отдавать отчет власти в собственных действиях и полученных доходах: предоставленные самим себе индивиды пытаются выстоять и обернуть в свою пользу открывающиеся взаимным отсутствием контроля шансы. Стоит ли говорить, что непроницаемость и непрозрачность, незавершенный передел собственности и власти ослабляют или даже отменяют тенденции к интеграции, продуктом и результатом которых только и может быть гражданство.

Проблематичность принадлежности, ограничение участия, покаржененные или же ущербные коммуникации приводят к тому, что статус гражданства не формируется и не присваивается, а вместо него в Украине складывается феномен, который может быть назван "отложенным гражданством", когда индивиды не подтверждают, не признают легитимным свое фактическо и формальное гражданство (штамп в паспорте "гражданин Украины"). "Отложенное гражданство" утверждает перспективу условности, но условности не как переноса в будущее, а как схемы дискурсивной практики во взаимодействии "демоса" и государства, обоядно принимаемой этими субъектами. В Украине идентификация жителей власти не предполагает обязательности и не является императивной, что следует интерпретировать как приглашение со стороны "демоса" к дискурсу о проблеме гражданства. Но не складывается впечатление, будто оно услышано властью или распознано в качестве приглашения к разговору.

В России, по-видимому, "отложенное гражданство" вообще невозможно вследствие традиций, культуры и истории государственности. Но и здесь политические и культурные элиты столь же некритически удовлетворяются фактическим гражданством, а конструирование развитого статуса гражданства принимает хронически запаздывающий характер. И причины этого не только в скучности "патриотических даров" в виде прав и свобод, отчуждаемых в пользу суверенных граждан государства, но и в отсутствии у большинства населения навыков культтивирования и овладения подлинно демократическими практиками участия и коммуникации. Преодоление состояния органической принадлежности в России (в Украине значительной части подданных еще только предстоит опщить и насладиться органической принадлежностью) становится условием перехода к новому общественному состоянию, более соответствующему надеждам и ожиданиям людей. Но то, какие условия должны быть выполнены для формирования полноценного статуса гражданства, все еще не прояснено и подлежит обсуждению.

УКРАИНА В СОЗНАНИИ РОССИЯН. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Петр ФЕДОСОВ — Советник Председателя Совета Федерации России

Имеются, по крайней мере, две трактовки понятия, вынесенного в заглавие нашей конференции.

Одни авторы исходят из того, что субъектом национальных интересов является государство: некий условный персонаж, имеющий право выступать от имени граждан, но реально таким персонажем является не государство как таковое, а тот режим, который в данный момент осуществляет государственную власть. Не подлежит сомнению, что легитимные правительства могут и должны осуществлять функции от имени граждан. Вопрос в том, какие функции и в каком объеме? Суть демократии заключается в том, что государство от имени граждан уполномочено выступать лишь в строго определенных, установленных законом рамках. Если этих рамок нет и государство присваивает себе право представлять, а точнее подменять собой граждан по любому вопросу, то речь идет, на мой взгляд, не о демократии, а чем-то ином.

Эти сомнения, на мой взгляд, особо актуальны для стран, где отношения между государством и обществом складываются сложно.

"Государство пухнет — народ хиреет", — говорил Ключевский о характере общественности. Может быть, это слишком жестоко, но тот факт, что государство не очень-то печется о своем гражданине и его мнении, а последний, в свою очередь, не слишком-то доверяет государству, признается всеми.

И, наконец, сводить национальные интересы к интересам государственных особо неуместно в переходные эпохи. Все еще не выработан хотя бы наиболее общий национальный консенсус относительно долгосрочных целей и приоритетов государственного развития. В этих условиях выразителем "государственного интереса" практически оказывается правящий режим, причем уже следующий режим может выступить под лозунгом полной ревизии заявок предшественников. Все, что я говорю, относится прежде всего к России. Возможно это верно и для Украины — не мне решать. Однако известные мне публикации украинских коллег позволяют предположить, что по крайней мере некоторые позиции верны и для Украины.

Иная точка зрения на категорию, вынесенную в заглавие нашей конференции, исходит из того, что "национальных интересах" уместно говорить только тогда, когда налицо нация в современном смысле этого слова, т.е. двуединство государства и гражданского общества. Тогда "национальные интересы" в строгом смысле слова есть лишь там, где налицо такое двуединство, а значит, в отношении России и других посткоммунистических стран говорить о национальных интересах не вполне уместно. Или же это дело далекого будущего.

Этот взгляд, с одной стороны, страдает некоторым я бы сказал пуританизмом. Категория "национальный интерес" настолько твердо вошла в аппарат многих дисциплин и, главное, в политическую практику, что ее уже нельзя "методологически вычистить", да и вряд ли стоит этим заниматься. С другой стороны, однако, эта точка зрения нацеливает на то, что не следует ни абсолютизировать государственную компоненту национальных интересов, ни отрывать их от интересов личностей, составляющих общество, и их многочисленных и разнообразных связей, взаимодействий, объединений, т.е. всего того, что составляет гражданское общество. То есть речь идет о человеческой составляющей, о человеческом измерении категории "национальный интерес", о его "негосударственной" ипостаси.

Мне кажется, что для выработки долгосрочных ориентиров политической стратегии такая постановка вопроса совершенно необходима, более того, она является залогом преемственности в понимании сменяющимися режимами национальных интересов.

Если вопрос о национальных интересах поднимается в связи с двус-

торонними межгосударственными отношениями, то с точки зрения вышеизложенного крайне важно, на мой взгляд, взглянуть на то, чем являются эти страны друг для друга в глазах граждан, каковы доминанты их взаимного восприятия и взаимных ожиданий. Такой взгляд особенно важен в таких особых, я бы сказал почти уникальных, случаях, как российско-украинские отношения.

Две крупнейшие европейские страны с общей историей, чрезвычайно близкой культурой и языком, связанные десятками миллионов человеческих судеб, только что расставшиеся и заявляющие об интеграционных намерениях. Объективная взаимная потребность в максимальной близости, открытости друг другу, в сотрудничестве и координации сил и средств во всех сферах — это аксиома, на мой взгляд, не требующая доказательств. Однако возникает вопрос: как эта потребность обеспечена в социально-психологическом отношении на уровне элит и на уровне массового сознания? И, главное, что нужно делать, чтобы она была обеспечена оптимально. Этому вопросу и хотелось бы посвятить несколько слов.

Итак, каково место Украины в сознании россиян? Именно так: не каков ее образ, а каково ее место, так как я думаю, что Украина играет весьма существенную роль в процессе поиска новой идентичности, который сейчас определяет состояние массового сознания в России.

Во-первых, в субъективном плане Украина для россиян — не вполне заграница, она уже не совсем "МЫ", но еще и не совсем "ОНИ". Это и отличает Украину и Беларусь от всех иных союзных республик с их очевидной и уже наступившей исключительностью из российского "МЫ". Причины понятны. Это именно та языковая и культурная близость, я бы даже сказал, культурная неразличимость, которая характеристика для юго-западно-русского и восточно-украинского человека. Я понимаю, что это может быть не всегда приятно украинскому национальному сознанию, но это факт и было бы странно, если бы это было иначе. Соответственно, в поиске контуров новой идентичности российский, а в данном случае правильнее, наверное, говорить русский, ум колеблется между искусственным для него, но реальным контуром прежней РСФСР и естественным, но не реальным контуром восточнославянского мира, причем западная граница этого субъективного мира проходит значительно западнее западной границы России, но восточнее реальной западной границы реальной Украины.

Таким образом, налицо разрыв между государственными реалиями, которые никто, кроме политических утопистов, не оспаривает, и реалиями психологическими, ментальными.

Другая важнейшая функция Украины как части ментальной реаль-

ности российского сознания — функция, которую я бы назвал компенсаторной. Известно, что самооценки всегда и везде формируются через сравнение. По одной оси — хронологической — российский ум сталкивается преимущественно с травмирующими результатами. На протяжении менее чем жизни одного поколения превратиться из "ведущего" народа величайшей державы в "титульную нацию" второразрядной страны — травма глубокая и болезненная.

По оси географической — ситуация схожая, и только на ближайшем соседе глаз в ум "отдыхают" — бывает, значит, и хуже, чем у нас. Почему "хуже", в каком смысле да и хуже ли вообще — вопрос вторичный и мы здесь их не задаемся. Но сам факт очевиден — тяжелое экономическое и социальное положение Украины, массовое "гастробайтерство" украинцев в России несомненно выполняют некую компенсирующую функцию, смягчающую комплексы неполноценности.

Между тем политические реалии двусторонних отношений, а может быть, по крайней мере, отчасти и политические интересы тех или иных сил делают все для того, чтобы Украина (именно Украина как государство и даже, пожалуй, не столько Украина как таковая, сколько ее нынешнее правительство) в сознании россиян предстала еще в одном своем обычном — как объект вымещения агрессивности, уже не враг, но "неверный брат". Дискуссии вокруг Черноморского флота, Крыма и статуса Севастополя, украинских неплатежей, особой позиции Украины в расширении НАТО на восток, составляющие на сегодняшний день для россиян большую часть информации об Украине, вольно или невольно "работают" именно в данном направлении.

Размышляя над этим обстоятельством, нельзя не задаться вопросом о стратегической перспективе постсоветских стран. Какова она? Если ее главное и единственное содержание — строительство и укрепление национальных государств, то обособление, более того, конфронтация с соседями — вещь практически неизбежная. Всегда и везде национальные государства строились посредством укрепления чувства "самости", отдельности, особости национального "Мы", которое, как известно, развивается и усиливается только благодаря противопоставлению иноземному "ОНИ". Причем именно равновеликие соседи наилучше естественно и легко оказываются воплощением этого "ОНИ". Как ни печально это признавать, "образ врага" — одна из наиболее мощных созидающих сил национального государства. К сожалению, мы получаем из Украины немало сигналов, свидетельствующих о том, что этот инструментарий широко используется в психологическом обеспечении государственного строительства и в Украине.

Становление национальных государств на постсоветском пространстве происходит в период, когда в наиболее развитой части мира, и прежде всего в нашей родной Европе, эпоха национальных государств заканчивается и на смену ей приходит эпоха глубокой экономической и политической интеграции. На социально-психологическом и идентификационном уровнях этот процесс сопровождается тем, что в долгосрочной тенденции место национальной самонидентификации все более занимает идентификация наднациональная (интеграционная) и одновременно субнациональная, региональная. Эмоциональная, аффективная компонента самонидентификации все менее замкнута на национальное (я — немец, француз, испанец) и все более на региональное (я — баварец, бретонец, каталонец) и наднациональное ("Мы" — европейцы).

Регионализация стремительно осуществляется и в постсоветском пространстве. Мы привычно толкуем ее как следствие слабости центральных властей, а потому редко задумываемся над тем, что в таких регионально неоднородных государствах, как Россия и Украина, регионализация не только естественна, но в широкой перспективе и необходима, что неизбежно переводит психологическую проблему взаимоотношений субъектов на другой уровень.

Опыт такого взаимодействия накоплен немалый, и он, я думаю, по своему значению и перспективам далеко выходит за рамки региональной взаимовыгодности. Прямые контакты, взаимная открытость Белгородской, Брянской, Курской, Воронежской и Ростовской областей и областей Донецкой, Сумской, Луганской, Харьковской, Черниговской — тот уровень интеграции, который ближе к практике, ближе к людям, менее отягощен двусторонними эффектами национальной гордости или неполноценности, а потому при правильном к нему отношении в историческом плане способен, минуя длительную fazу обособленных и враждующих национальных государств, вывести на этап "Евразия регионов".

В заключение еще одно замечание. Ход нашего разговора убеждает меня в том, что здесь собирались люди, являющиеся патриотами своего народа и своей страны. Я убежден, что русский патриотизм в отношении Украины состоит не в жесткости позиций по тем вопросам, которые являются предметом сложных переговоров между нашими странами, а прежде всего в том, чтобы избегать любых действий и заявлений, затрудняющих путь невозможный сейчас, но неизбежный в будущем процесс глубокой российско-украинской интеграции. Может быть, возможна и сходная трактовка содержания украинского патриотизма по отношению к России.

Это означает, в частности, что проблемы, которые в силу их престижной значимости и взаимных ошибок при попытках решить их из разряда конфликта интересов перешли в разряд конфликтов ценностей, а потому и не могут сегодня быть решены конструктивно без значительных травм для национального сознания той или другой стороны, на сегодняшний день следует заморозить, естественно, зафиксировав предварительно их наличие.

Избегая, по возможности, эскалации сюжетов, взаимно травмирующих национальное сознание и служащих благоприятной базой для взаимно недружественной ориентации общественных настроений, важно в то же время убедительно противодействовать националистическим мифам, будь то миф о "бескультурности" украинцев, имманентной "имперской" русских и др. Демократизм подхода, как мне кажется, будет обеспечен лишь тогда, когда стороны сконцентрируют свои усилия прежде всего на преодолении такого мифотворчества в рамках родной для них национальной культуры.

Систематическое политическое образование народов в духе ценностей демократии, готовности к интеграции, преодоления комплексов национальной исключительности взаимной агрессивности, способны глубоко преобразовать общественную психологию. У всех нас перед глазами вдохновляющий пример, когда целенаправленными и систематическими усилиями политического образования, поддерживаемого государствами, церквями, профсоюзами, но осуществляемого интеллектуалами-политологами, психологами, историками, были созданы социально-психологические предпосылки для глубокой интеграции "наследственных врагов" — Германии и Франции.

Нам легче, мы никогда не были врагами. Но мы знаем и то, как легко самые близкие отношения омрачаются взаимными претензиями, превращаясь во взаимную агрессивность.

На мой взгляд, у политологов двух стран нет задачи более важной и достойной, чем разработка методологической основы и идеиное наполнение такого политического образования наших народов, которое исключило бы такое развитие событий.

УКРАИНА И РОССИЙСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Григорий ВОДОЛАЗОВ — главный редактор международного журнала "Мегаполис", доктор философских наук

Я хочу начать с определения некоторых основных категорий и понятий, о которых идет речь. Я хотел бы очертить свое понимание "национального интереса". Сразу хотел бы разделить два типа "интересов": их часто смешивают, один принимают за другой и в итоге запутывают всю проблему. Я имею в виду необходимость разделения таких понятий, как "национальный интерес" и "государственный интерес". Национальный интерес, как я его понимаю, это интерес нации, народа, населения, членов гражданского общества данной страны. Содержание государственного интереса зависит от того, чье это государство, кто в этом государстве правит; государственный интерес — это интерес правящего сословия, господствующих социальных групп. Чем демократичнее государство, тем более национальный интерес совпадает с государственным; чем менее демократично, тем расхождение между национальным и государственным интересом сильнее. Возможна ситуация, когда они вообще находятся в состоянии прямого противостояния и полного несовпадения, и тогда — это отнюдь не парадокс — можно быть патриотом и выразителем национального интереса, желая поражений собственному правительству, собственному государству. Такое несовпадение (объективно) было, скажем, в 30-е годы в Германии, в период сталинизма (за исключением лет отечественной войны в СССР), при брежневщине, в ситуации агрессивных походов в Чехословакию, Афганистан, а в США — в годы вьетнамской войны и т.п.

Национальный интерес поэтому и совпадает с демократическими задачами данного общества. Они, по сути дела, идентичны. Поэтому я думаю, что одна из первых национальных проблем России, главный ее национальный интерес сегодня — это формирование демократического общества.

Еще в 60-е годы демократы (так называемые "шестидесятники") определили, что режим, сложившийся в нашей стране, представляет господство номенклатурно-бюрократического меньшинства, что в стране сложилась общественная система неравенства, отчуждения, несвободы. По своей форме господство этого номенклатурного сословия отличалось от раннекапиталистических форм Запада. Оно зиждалось на другом основании. На Западе господствовали те, кто обладал соб-

ственностью на средства производства материальных благ, а в нашей стране — те, у кого была собственность на политические "средства управления", на государство. По сути дела у нас возник новый тип антагонистического общества с межклассовой, социальной борьбой. Было отмечено также, что изменения, произошедшие в 56-64 годы и послехрущевское время, а также последующие преобразования в 85—95-е годы — это были изменения внутри номенклатурной формы правления, а не выход за ее пределы. Смыслом этих изменений был переход от номенклатурного тоталитаризма эпохи сталинщины к номенклатурному авторитаризму брежневских лет, изменения последнего десятилетия были ничем иным, как переходом от номенклатурного авторитаризма к тому, что, скажем, я называю номенклатурной демократией, т.е. то же господство номенклатуры, но в форме демократии для номенклатуры, а не для народа, не для населения. Народ также отчужден от власти, но формально взаимоотношения строятся на более-менее демократических принципах.

У нас в России сформировалась, по сути дела, двухпартийная номенклатурная система. "Правые", "левые" элиты приходят к осознанию принципиального единства интересов всего номенклатурного сословия и изыскивают формы более или менее цивилизованного регулирования взаимоотношений отдельных его фракций; речь, таким образом, идет о создании поля демократии для номенклатуры (не более того). Поэтому задача демократических сил, которые хотели бы, чтобы действительно национальный интерес был представлен на политической арене, и состоит в том, чтобы сменить политический режим номенклатурной демократии на подлинную, нормальную демократию. Это и есть первый национальный интерес России и российского народа. Я не знаю, совпадает ли этот интерес с "национальным интересом" Украины? Стоит у вас такая задача или нет? Если стоит, то в этой решавшей части наши национальные интересы совпадают и тогда нам надо подумать, как помогать в решении этой задачи друг другу. Если у вас, по вашему мнению, такая задача не стоит и вы считаете, что ваш руководящий слой является выразителем ваших интересов, интересов народа, то задачи у нас будут различаться. Однако у меня такое ощущение, что в этом вопросе мы с вами не разойдемся.

Второе. Когда мы пытаемся реализовать эту главную часть нашего национального интереса — формирование демократического общества, то замечаем, что в программах демократических сил много внимания уделяется вопросам и способам экономических преобразований, развитию политической демократии, но, по сути, напрочь отсутствует демократическая программа в национальном вопросе. Мы все от-

кладывали, у нас не было её. Поэтому смысл семинаров, подобных сегодняшнему, я вижу в разработке программ демократических сил в национальном вопросе, в межнациональных и в международных отношениях.

Но прежде чем сказать о моём видении некоторых аспектов таких программ, я хочу отметить отличие моей позиции от позиции выступавших здесь коллег с Украины и из России. Было очень содержательное и интересное выступление коллеги А.Дергачова. Но в нём есть один момент, на который мне хотелось бы обратить особое внимание. А.Дергачов подчеркивал, что вот-де Украина с Россией должны бы войти в европейское сообщество, но разве с такой Россией можно туда входить? Не спорю, Россия предстоит еще выстрадать рынок и демократию. Но я хочу спросить своего коллегу: а с такой Украиной входить можно? Мне было бы интересно услышать рассуждения на сей счет.

Или В.Небоженко. Он говорил о невысокой интеллектуальной мощи одного из авторитетных российских лидеров. Пусть так, но я буду очень принателен, если бы он выяснил масштабы интеллектуальной мощи украинских собеседников. Мой российский коллега Александр Ципко предлагает поискать среди российской политической элиты, этих птиц — голубей, ястребов и лебедей — таких, с которыми мы могли бы полететь вместе. Вообще говоря, выяснить, какая часть номенклатуры получше, какая похоже для демократических сил — дело небесполезное, но это самая незначительная часть задачи. Ибо главную задачу я вижу не в поиске более или менее приемлемой для демократов номенклатурной группы (этого "меньшего зла"), а в стремлении работать прямо и непосредственно на "низовую демократию", на демократическое движение, помогая ему определить ключевые моменты программы по национальному вопросу.

Вырабатывая такую программу, надо постараться избежать участия быть наследниками и заложниками тех номенклатурных сил (и с той и с другой стороны), которые делали историю. Они там, видите ли, дарили друг другу острова, полуострова, кроили карты районов, поднимали ночами население и отправляли одних в Казахстан, других — в Сибирь... И вот теперь они вывалили нам на головы все эти проблемы.

Если мы обратимся в эти запутанные дебри творений номенклатуры, мы не сможем ни в чем разобраться. Мы пересосимся сами и пересосим наши народы. Иначе говоря, не следует углубляться в эти спутанные исторические клубки, надо принять современную историческую реальность как данность, как исходный пункт нашей

сегодняшней деятельности. Надо, думаю, демократическим слоям России и Украины суметь протянуть друг другу руки поверх этих проблем. И сделать акцент на том, чтобы решить современную ситуацию исходя из суверенности наших государств, не забывая однако о многовековой исторической общности. Хотим мы этого или нет, но история распорядилась таким образом, что отношения народов Украины и России отличались и будут отличаться от их отношений с другими народами.

Тут Петр Федосов, по-моему, был совершенно прав: да, украинцы для россиян уже не "мы", но еще и не "они", а я думаю, украинцы для русских никогда и не будут "они". Не "мы", но и не "они" — и вот надо бы поискать эту форму. Если же мы будем искать эту форму поверх всяких споров, — где граница проведена, кто этот город когда-то завоевал, чьи могилы там были и т.д. — мы ее найдем, учтывая исторические традиции, исторически справедливые размышления. Юридически это ясно, а вот исторически — ощущение, что у обоих народов есть тут проблемы. Так пусть же народ, которому этот кусок территории перепал в связи с номенклатурными всякими вещами — вот пусть он учтет не только правовую сторону этого передела, но и историческую. Крым, например, ведь не принадлежал народам ни Украины, ни России. Это была собственность номенклатуры, которая и распоряжалась ею. Мне хотелось бы сказать, что демократические силы Украины и России в отличие от номенклатуры, которая порождала противостояние, правильно констатируют, что пресса, которой она руководит, изобилует в основном размышлением о конфликтах, о противостояниях, которые проникают в народное сознание также посредством выступлений лидеров — там кровь проливали, это наша земля и т.д. Демократическая общественность должна строить свои отношения на взаимопонимании, доверии, взаимопроникновении, потому что демократически понятые национальные интересы России и Украины, по большому счету, принципиально не противоречат друг другу. А расхождения, которые есть, исторически решаются легче и цивилизованнее.

Кстати, когда кричат с той стороны и с этой, это — "наше", а это — "наše", то укрепляют как раз недемократические, тоталитарные силы в соседней стране. Об этом надо помнить. И поэтому эта программа должна быть направлена на сближение культурных пространств.

Я читаю историю политической мысли в одном из вузов. У меня там и Платон, и Токвиль, и Джейфферсон, но украинская политическая мысль напрочь отсутствует, не упоминается даже. И вот сегодня я взял книжку, изданную здесь — "Украинская государственность в XX

веке". Вот истинное культурное пространство! Украинская политическая мысль для российской политической мысли не менее, а даже более важна, чем американская, а вот такое, знаете, незаметное культурное высокомерие.

Если мы строим демократическую Россию, то я сторонник того, что если ты демократ, то и критика должна быть направлена, прежде всего, в адрес своего режима, своего правительства. Мы должны в России открывать украинские школы (спецшколы с английским языком у нас есть, а украинским — нет). Необходимо и сближение экономических пространств.

И в заключение. Тут высказывались опасения, как бы Россия не говорилась с кем-то за счет Украины. У меня другое опасение. Как бы номенклатурные руководители России и Украины (что более вероятно) не говорились за счет интересов народов России и Украины. И я думаю, что если демократическая общественность обеих стран найдет способ протянуть друг другу руки и начнет строительство демократических мостов различного типа, то "заварушки" может мы и сможем избежать.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ УКРАИНЫ И РОССИИ

Владимир ПОЛОХАЛО — главный редактор украинского научного журнала "Политическая мысль", кандидат исторических наук

Весьма продуктивным, по моему мнению, нашей дискуссии является уровень рассмотрения темы, которую предложил мой коллега, главный редактор журнала "Мегаполис" проф. Г. Водолазов, совершенно справедливо разделяя понятия "национальный интерес" и "государственный интерес". Развивая эту мысль, я бы теоретико-концептуальный подход отдели от политического подхода. Второй — это, несомненно, удел политиков, а не политологов. Лишь не смешивая эти два подхода, мы сумеем избежать неадекватности восприятия социально-исторического времени в оценках и моделировании сложных политических процессов, возникновения многочисленных утопий и параноических гипотез, касающихся посткоммунистических обществ.

Например, в политической мысли России и Украины посткоммунистического периода самым устойчивым и расхожим является представ-

ление о том, что наряду с деградацией и крахом коммунистической идеологии происходят деградация, делегитимация, а затем и крах коммунистической тоталитарной власти, осуществлявшейся партийно-государственной номенклатурой, коммунистической бюрократией. В контексте этого суждения на первый взгляд логичным и убедительным кажется следующее теоретическое построение: «антитоталитарная революция — посттоталитарная власть — посттоталитарное общество».

Другими словами, почти аксиоматически подразумевается, что тоталитарная власть исчерпала свой потенциал, а потому якобы произошла детоталитаризация государства, социально-политической жизни и в то же время были реализованы или же успешно реализуются принципы организации власти в соответствии с демократическим вектором политического развития: «человек — общество — государство (власть)».

Однако опыт посткоммунистических преобразований свидетельствует совсем о другом: в посткоммунистических странах (по крайней мере — в большинстве из них) власть номенклатуры никто и никогда в действительности полностью не ликвидировал и не отбирал; сама номенклатура свою власть добровольно никогда и никому полностью не отдавала, а коммунистическая номенклатурная система власти никогда и нигде полностью не исчезала. Иначе говоря, кризис, а затем разрушение и падение государственной коммунистической идеологии, вопреки ожиданиям, не стали тем базовым фактором, благодаря которому как будто должно было произойти бесповоротное разрушение самой сущности тоталитарной власти.

Вот почему нам следует преодолевать инерцию и научные стереотипы (собственные или заимствованные) в осмыслении сущности политических трансформаций в наших странах. В частности, на мой взгляд, требуется *переосмыслить понятие тоталитаризма как неотъемлемой составляющей более общей проблемы — проблемы власти*.

Как известно, в традиционной политической теории тоталитаризм трактуется как тип политического режима, политической и общественной системы, которому внутренне присущ всеобъемлющий (тотальный) контроль со стороны власти над обществом и личностью. При этом внимание обычно акцентируется на роли идеологии (эсхатологической и телесофийской по своей ориентации и революционной по содержанию), которую правящая элита силой навязывает населению как «единственно верное учение», а также на репрессиях или угрозах их применения, что позволяет власти господствовать над индивидом, над обществом.

Существуют и другие политологические подходы к определению понятия тоталитаризма, его различные теоретические модели. Не прибегая к их детальному анализу, отмечу все же их общий, наиболее существенный недостаток — тяготение к определенной формализованности. Исследуются преимущественно внешние признаки и атрибуты тоталитаризма, а также инструментарий, формы и механизмы контроля над обществом. К тому же в поле зрения исследователей попадают прежде всего классические варианты тоталитаризма, сложившиеся в нынешнем столетии, — коммунистический (сталинский) тоталитаризм, фашизм и национал-социализм. В то же время фактически обойдены вниманием существенные признаки и источники всего множества зависимостей индивида от власти, гражданина от государства.

Эти зависимости в полной мере проявлялись в условиях трансформаций политической власти посткоммунистических государств.

Я бы выделил две основные закономерности эволюции посткоммунистической власти в России, Украине и во многих других бывших социалистических странах.

Первая закономерность — это осуществление «революции сверху», целенаправленное самопреобразование коммунистической тоталитарной власти и, как результат, возникновение новых, однако генетически, сущностно, исторически связанных с прежними типов и видов властных отношений. Важнейшая особенность этих отношений — эволюционная трансформация политической власти в новый тип собственности путем нелегитимного, теневого присвоения и раздела татально-государственной, так называемой общенародной собственности ее фактическим распорядителем — бывшей партийной бюрократией (плюнициативе прагматической «реформаторской» ее части).

С середины 80-х годов началась конверсия политической и государственной власти коммунистической номенклатуры в кланово-корпоративную, номенклатурно-капиталистическую экономическую власть. Происходила интенсивная концентрация этой новой-старой власти вне контроля общества. Сформировалась новая посткоммунистическая финансовая олигархия. В этом смысле можно констатировать возникновение нового соотношения политики и экономики, а именно: прямое и непосредственное превращение присвоенной собственности в политическую и государственную власть и наоборот. Речь идет, в частности, о том, что на протяжении последних приблизительно десяти лет в России и Украине, в других посткоммунистических странах постепенно складывалась самодостаточная, обладающая значительными ресурсами, тоталитарная по своей сути и одновременно отчужденная от большинства общества, мутантная система власти. В ней органично

ассимилировалась старая коммунистическая номенклатура (и прагматическая «реформаторская», и ортодоксальная), а впоследствии, с появлением новых, так называемых оппозиционных коммунистических и социалистических партий, — и большая часть номенклатуры некоммунистической).

Вторая закономерность — криминализация, коррумпирование властных структур, государственного бюрократического аппарата, усиление роли теневой групповой политики, возрастание властных притязаний и влияния на принятие «нужных» политических решений со стороны публично не оформленных центров власти, их «мафиозизация».

Для многих посткоммунистических, в первую очередь постсоветских, стран сегодня характерен уже не просто подкуп государственных чиновников, достигший беспрецедентных масштабов, а превращение коррупции в норму общественно-политического бытия. Де-факто в этих странах в той или иной мере возник симбиоз государственной предбюрократии всех уровней и лидеров полутеневого, теневого предпринимательства, иерархов уголовного мира — «теневой номенклатуры». Произошло осуществление на этой основе тотального контроля за распределением и перераспределением государственной собственности и экономических ресурсов («приватизацией»), сферой производства, рынком, внешнеэкономической деятельностью, экономической и социальной политикой в целом.

По сути, сегодня политическая власть предстает универсальным товаром, который в зависимости от спроса и предложения имеет ту или иную стоимость. Однако этот товар становится предметом купли-продажи лишь на «черном», закрытом для большинства граждан политическом рынке. Торги на нем монопольно ведут за большую или меньшую часть власти могущественные криминально-номенклатурно-корпоративные кланы.

Наконец, закономерными и привычными стали постепенный выход из «тени» на политическую авансцену и все большее стремление к общественному признанию, публичной, общественной легитимации многих лидеров этих кланов (или их уполномоченных представителей). Они активно потянулись к политике, открыто начали скаптывать для себя ключевые должности в исполнительных и законодательных, центральных и местных органах власти. Понятно, что в сложившихся условиях провозглашенной официальности почти во всем постсоветском мире борьба с коррупцией, с мафией является не более чем проявлением популизма. Реальных или даже хоть сколько-нибудь заметных успехов в декларируемой борьбе пока что нет и, разумеется, в ближайшее время не может быть, ибо это означало бы не что иное, как ликвидацию

цию не только политico-экономических условий, но и самих основ существования нынешней посткоммунистической власти.

Таким образом, делегитимация и крах коммунистической политической доктрины не привели к делегитимации и окончательному краху коммунистического тоталитаризма на просторах бывшего СССР. Более того, коммунистическая номенклатурная власть обнаружила чрезвычайную живучесть, способность адаптироваться, почувствовав еще задолго до падения коммунистической системы слабость политической идеологии марксизма-ленинизма в отношении ее главных функций — тотального контроля и обеспечения легитимности. Именно в этом смысле следует понимать первые альтернативные элементы, так сказать, компенсационные заменители старой доктрины («новое мышление», «приоритет общечеловеческих ценностей» и т.п.), появившиеся в официальной лексике 80-х годов. Крах государственной идеологии не застал коммунистическую диктатуру врасплох. Она подготовилась к нему заранее, раньше, чем массы, пережив дендеологизацию.

Итак, официальная «самоликвидация» или «отмена» КПСС и коммунистической доктрины в 1991 году на обломках бывшей империи не привела к реальному освобождению большинства россиян, украинцев и других народов от тоталитарного состояния, хотя формы зависимости граждан от властей, конечно же, существенно изменились. При этом власть, принадлежавшая до сентября 1991 года партийно-государственной номенклатуре, не только не исчерпала свои силы, а наоборот, значительно укрепила собственные ресурсы, обновившись частично за счет представителей «перестроенной демократии». Она обрела своеобразное «второе дыхание», обнаружив уже в новой, посткоммунистической реальности, огромные по масштабам возможности к самопроизводству.

Как свидетельствует практика политических изменений, происходящих в России, Украине и многих других посткоммунистических странах в последние 5-7 лет, мы являемся свидетелями становления нового, не имеющего аналогов в XX веке типа (разновидности) тоталитаризма. Это — посткоммунистический или «демократический тоталитаризм». В самом общем виде его можно охарактеризовать как такой тип политической системы, при котором тотальный контроль и господство власти над индивидом и обществом осуществляются (в жесткой или относительно мягкой формах) не только и не сколько идеологически, сколько посредством множества других средств, как правило, с использованием демократических по форме процедур — не менее эффективных, чем прежде, средства тотального

и одновременно деформирующего воздействия на объекты власти, социальные процессы в целом. Имеются в виду как внешнеэкономические (и очевидные, и латентные) – социальные, социокультурные, правовые и др., так и экономические многомерные зависимости, характеризующие многообразие форм властных отношений, связанных с принуждением и насилием или угрозой их применения.

Без сомнения, сказанное вовсе не означает, будто посткоммунистическая номенклатура, тоталитарная власть более не ценит легитимизирующую значения политической идеологии как механизма тотального контроля над обществом или, по крайней мере, как существенного препятствия для создания действительно демократических оппозиционных партий, становления реальной контрлиты. По сути, политическая идеология для номенклатуры – это переменная в системе власти, своеобразная мета-идеология, в пределах которой осуществляется продуцирование и распространение конгломерата идей, мифов, лозунгов, рассчитанных на конкретную общественно-политическую ситуацию, определенные социокультурные условия.

Посткоммунистическая мета-идеология – это не застывшее идеологическое состояние, а процесс перманентного отфильтровывания тех или иных идеально-политических ориентаций, апробации различных взглядов для воссоздания властных отношений в соответствии с тоталитарной моделью зависимостей: «государство (власть) – общество – человек». Причем она может в достаточно широком диапазоне создавать химеры из «чистых», классических идеально-политических доктрина «измов» (коммунизма, национализма, фашизма), а также идеологические гибриды из элементов этих и других, в том числе и демократических политических доктрин (социал-демократической, либеральной и т.д.). Но при любых рекомбинациях посткоммунистическая мета-идеология направлена, прежде всего, на сохранение и культивирование социальных и националистических (в том числе, великодержавных, шовинистических) утопий – идеологических доминант посткоммунистического тоталитаризма.

В конечном итоге ответ на ключевой вопрос в понимании сущности посткоммунистического тоталитаризма: является ли человек субъектом властных отношений или, наоборот, бесправным объектом для тех, кто монополизирует и осуществляет в обществе власть, по моему мнению, не оставляет, к сожалению, надежды демократическому движению России и Украины реализовать некую демократическую программу, создавать которую призывал нас в своем докладе проф. Г. Водолазов. По крайней мере, если речь идет об обозримом будущем, а не о далекой перспективе. Мне кажется, что если идти по данному пути, то мы в

очередной раз окажемся в пленах иллюзий и в интеллектуальной ловушке, подстроенной неототалитарной властью, как это уже не раз было в нашей общей истории. Но и выбор у нас невелик: либо сотрудничество с неототалитарным режимом, например с его «прогрессивными» представителями (что считает возможным проф. А. Ципко), тем самым облагораживая его и увеличивая его потенциал; либо – интеллектуальная, духовная оппозиция по отношению к нему, что, несомненно, рано или поздно приведет избранных такой путь к посткоммунистическому диссидентству, ибо *посткоммунистический тоталитаризм – это очень всерьез и очень надолго*.

РОССИЯ И УКРАИНА: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Александр ГОРЯНИН – главный редактор журнала «Международное сотрудничество в сфере образования»

Думаю, мало у кого вызывает сомнение постулат, что Россия и Украина должны быть культурно взаимопроницаемы и открыты друг для друга. Это чисто декларативное заявление, впрочем, не содержит в себе технологии своего осуществления, и пока что мы видим явно противоположную тенденцию. Чтобы она сменила знак, для начала следует прийти к согласию относительно некоторых фундаментальных истин. Может быть, я слишком усердно читал украинские толстые журналы, где интеллектуалы Украины (почти сплошь втерашние лауреаты Ленинских и иных советских государственных премий) сейчас энергично сорят Россию и Украину, но у меня сложилось впечатление, что этим истинам в Украине пора уходить в небытие. Подвергается насмешкам, например, старая теория единой восточнославянской колыбели. Пoэтический образ выжигается как вредный сорняк.

Спор по этому поводу излишен. Нашу общую колыбель можно было бы назвать иначе – например, общим фундаментом, а то даже и тремя китами, на которых держится культура русских, украинцев и белорусов. Это, во-первых, языковая близость (в период Киевской Руси – почти языковое тождество), во-вторых, кириллическая письменность и церковно-славянский язык и, наконец, православная вера. А помимо этого множество совпадающих «стародавних» элементов духовной культуры – от общеисторической памяти, воплотившейся, в

частности, в былинах киевского цикла (записанных, кстати, исключительно в Великороссии) до обычая обращаться по имени и отчеству, обычая неведомого другим народам.

Любимая тема антирусской (не могу сказать мягче) риторики упомянутых мной толстых журналов такова: русские — это смесь финнов и половцев (кажется; точно не помню, ибо мне это не очень интересно), а украинцы — прямые потомки полян и древлян. Да ради Бога. Если кому-то нравится так считать — считайте! Хочу лишь напомнить, что год спустя после крещения киевлян в Днепре тот же Владимир крестил новгородцев в Волхове, что Андрей Боголюбский в XII веке и митрополит Максим в XIII, переселился из Киева в Сузdal, не считая будто переезжают в другую страну, что сын Владимира Мономаха князь Юрий Долгорукий заложил Москву отнюдь не как анклав на чужой земле. Но готов допустить, что они были люди темные, и что современным ученым виднее. Но все это на самом деле николько не важно. Наследник тот, кто унаследовал, и вопросы занимательного этногенеза к этому факту отношения не имеют. Духовное наследие Киевской Руси мы наследуем в равной мере — и русские, и украинцы и белорусы — так можно и понимать выражение “наша общая колыбель”.

Начиная с XIII века три народа (или дотоле единый народ, кому что больше нравится) были разведены, а далее — разные ландшафты обитания, разный набор соседей, разные исторические судьбы и влияния создали при окончательно разных народа, это спорить трудно. Однако после 400 лет существования врозь эти три народа были вновь объединены под единой государственной крышей Российской империи. И еще через четверть тысячелетия, после 1917 года, каждый из трех народов обрел собственную государственность. Именно после 1917-го. Уже с “Универсала” Центральной Рады началась отдельная Украина, и даже Украинская ССР была формой государственного бытия украинского народа, пусть ущербной, недостаточной, но была.

Помню, как один английский русист, человек узкой специализации (он знал хорошо русскую поэзию начала века, но почти ничего не знал об Украине), увидев в 1991 году на карте в какой-то газете огромную по европейским меркам страну, гораздо больше его родины, спросил меня: “А что эта страна дала миру?” Я ответил, что дала очень много, но почти все, что она дала, пошло в общерусскую копилку и не поддается выяснению, ибо невозможно утверждать, что Гоголь или Короленко — украинские писатели. Именно тогда я впервые осознал существование проблемы. Ведь если стать на точку зрения радикальных украинских “отделителей”, считающих, что годы в сос-

таве Российской империи для Украины важны лишь с точки зрения ее борьбы за независимость, то Украина предстает довольно бледным пятном на культурной карте Европы, страной, которая не внесла в ее сокровищницу адекватного вклада, что чудовищно несправедливо. Но как совладать с возникающим казусом? Я считаю, что нужен некий *культурный конкордат* (может быть, не самое удачное слово) между тремя восточнославянскими народами о признании всего того, что было до 1917 года, нашим общим и не подлежащим дележу культурным достоянием. Его можно называть *общерусским* (благо украинский язык четко разделяет *руський* и *російський*), тогда общерусскими будут для Украины Ломоносов и Пушкин, Чайковский и Римский-Корсаков, Павлов и Менделеев, Тургенев и Станиславский и т.д., а не только те, кого по каким-то формальным признакам можно привязать к Украине. Ограничивааться формальными привязками было бы крайне несправедливо.

Очень велика роль украинцев, в частности грамматиков, в формировании русского литературного языка, и Украине от этого наследия тоже было бы не по-хозяйски отказываться. Почитайте Сквороду, на каком языке он пишет. Почитайте словарь Паны Берынды, почитайте Феофана Прокоповича — вот он, вклад в создание русского литературного языка! Конкордат, о котором я сказал, должен быть межгосударственным актом, ибо только в этом случае он к чему-то обязет авторов школьных и вузовских учебников, издателей энциклопедий и т.д. Пока это звучит непривычно для слуха, допускаю, наивно. Но не наивнее того рукопожатия Аденауэра и де Голля, о котором здесь сегодня упоминалось. Оно тоже казалось тогда чем-то донкихотским, а на деле привело к историческому примирению двух столько воевавших народов. Мы с украинцами не ссорились, нас мирить не надо, однако предлагаемый конкордат поможет не дать возникнуть той трещине, о которой мечтают политики — крайне неприятная публика, между нами говоря. Действие конкордата не может ограничиться пределами культуры. Севастополь — город общерусской славы — вот решение головоломки. Одни говорят: там Нахимов воевал, другие говорят: там матрос Кошка воевал. Правильно, все вместе воевали. В общем, все, что до 1917-го года — наше общее. Раздельный счет пусть идет с того времени, как зажгли каждый своим домком.

Эту мысль надо внушать в России еще больше, чем в Украине, потому что уровень незнания Украины в России крайне велик. Интеллигент, который может проявлять познания в Кафке и Кьеркегоре, обычно совершенно не знает украинских болей и забот. Сказанное относится и к большинству журналистов. Но нет худа без добра. То, что

эти люди тугуухи к украинской проблематике, помогло русским средствам массовой информации не ввязаться в очень опасную полемику. Сейчас остраота миновала, но между 1990-м и 1993-м такая угроза была бы, если бы в России обращали больше внимания на то, что писалось и говорилось здесь в ее адрес в период вслеска национальной эйфории, которая сейчас, по-моему, пошла на убыль. Может быть, надеялся воспроизводить одну и ту же риторику. А вот в республиках Югославии на каждый миф немедленно находился свой контр-миф, ни один выпад не оставался без ответа, и результат хорошо известен.

Нам надо бороться с мифами и лозунгами, порождаемыми зудом борьбы ради борьбы. Не забудем, что есть "недовеавшие", есть люди, для которых ссорить наши народы — способ добывать свой хлеб, отмывать свое прошлое, строить новую карьеру. Другого способа они для себя не придумали, но не дороговато ли это для наших народов?

Идеалом отношений между Россией и Украиной в дальнейшем должна стать формула "братьских отношений". В этом нет ничего из ряда вон выходящего. Существуют же "особые отношения" между Соединенными Штатами и Великобританией. Пусть у нас будут братские, единственные Штатами и Великобританией. Пусть у нас будут братские, пусть это будет декларировано каким-то образом. Страны, состоящие в таких отношениях, ни при каких обстоятельствах не могут допустить определенных действий и заявлений по отношению друг к другу. Элементом таких отношений есть и сейчас — скажем, безвизовый режим, тот факт, что украинские выпускники могут поступать в МГУ и другие вузы России на тех же основаниях, что и российские выпускники. Но "братьские отношения" должны быть не зафиксированы на межгосударственном уровне. В целом, России надо пройти больший отрезок пути к таким отношениям, чем Украине, хоть у нас и нет украинофобов, а русофобы у вас есть. Я проводил любительские социологические опросы, спрашивал у случайных собеседников из числа интеллигентных людей: "Какая страна, по-вашему, для России самая важная на свете?" Как правило, отвечали — Америка, кто-то предложил Китай, кто-то назвал Германию. Никто не вспомнил, что для России важнее всех Украина. Это показательно. Кто-то здесь говорил о спецификах, нет — во всех школах России должен быть годичный курс украинского и белорусского языков. Этого хватит, чтобы понимать дикторов, чтобы читать газеты. Для школьников это не будет трудно.

Если кодекс братских отношений будет усвоен большинством интеллигентов и правящими верхушками двух стран, вопрос о культурном пространстве, культурной открытости перестанет находиться в политической плоскости. Сейчас в Украине предпринимаются самые активистические усилия по сокращению сферы употребления русского языка, численные

русских школ, не говоря уже о детсадах, обрубаются "нежелательные" телепрограммы из России, и можно понять почему. Доселе отношения русских и украинских культур были асимметричными. Достаточно сказать, что почти все украинцы двуязычны, русские одноязычны. И что выправить это положение, создается крен в другую сторону. Но нельзя забывать, что люди не очень любят, когда их силой тащат в рай, когда их заставляют поступать правильно, в то время как они хотят поступать неправильно. В подобных случаях ситуация часто бывает чревата нагноениями, а также результатами с точностью до наоборот. Тут надо быть искусными политиками, очень тонкими интеллигентными людьми, такими как Томаш Масарик, вероятно. Пока незаметно Масариков, но может быть из Москвы плохо видно.

Очень часто сторонники культурной открытости обвиняются в том, что они опять хотят поставить украинскую культуру в неравное положение, такое, когда более мощная культура начнет подавлять ее под себя. Но сейчас, мне кажется, Украине это уже не грозит. Сама государственность Украины медленно, но неостановимо работает на украинизацию Украины. Школа — вот что сделает украинцев украинцами. Подождите, пойдет молодежь, выпуск — выпуском, проучившаяся от первого до последнего класса на украинском, само бытие украинского государства все постепенно расставит по местам. Но надо ли дергать растение за верхушку, чтобы оно быстрее выросло? Мне кажется, преждевременно настаивать на том, чтобы уже завтра вся без исключения молодежь училась только по-украински. В условиях длившейся экономической и социальной нестабильности добавлять поводы для недовольства людей, особенно в трудных для Украины восточных и южных регионах, мне кажется неразумным с точки зрения государственника.

Что касается российского империализма, его размеры часто преувеличиваются, причем в политических целях. Известные постановления нашей Думы — это действия людей, которые прекрасно знают, что принимаемые ими акты никогда не утвердят Совет Федерации, никогда не подпишет Президент. В подобных случаях думцы испытывают соблазн вести себя безответственно, буквально как дети. Будь у нас парламентская республика, они вели бы себя совершенно по-другому. Помните, какой был грозный Руцкой, но едва степень его государственной ответственности повысилась до губернаторской, он стал другим человеком, ответственным и взвешенным государственным мужем. Набирая популистские очки, политики часто заявляют о вещах, выполнять которые не собираются. Если Лужков когда-нибудь станет президентом России, вы от него про Севастополь услышите не чаще, чем от президента Кучмы его обещание сделать русский язык вторым государственным.

УКРАИНА – РОССИЯ: РАЗЛОМ КУЛЬТУР

Евгений БЫСТРИЦКИЙ – заведующий отделом Института философии НАН Украины, редактор отдела политики и культуры и философии политики журнала "Политическая мысль", доктор философских наук

Совпадения и расхождения национальных интересов наших стран, как мне кажется, человеческих наиболее интересно и в то же время обобщенно выражены в вопросах культурных взаимоотношений Украины и России. Тема отношений двух культур вырвала на протяжении последних лет в острую проблему, актуальность которой только возрастает по мере отдаления от времени СССР. При этом восприятие событий культурной жизни украинской и российской публикой, в том числе российскими и украинскими интеллектуалами, разнится значительно.

Это различие можно наблюдать непосредственно в посткоммунистической организации культурной жизни обеих стран. Так, мы видим массовое присутствие русского, а точнее сказать, российско-советского культурного мира в Украине. Если следовать известному разделению культуры на высокую (академическое искусство, наука, просвещение), массовую и повседневную, то очевидно, что сегодня русский мир присутствует и даже, возможно, доминирует во многих сферах культурной жизни Украины. Согласно многочисленным источникам от 30 до 40 процентов населения говорит на русском языке, очень крупные индустриальные города и центры северо-восточной, восточной Украины, юг – Одесса и Крым – русскоязычны. Даже при всем желании сложно перейти на украинский в системе высшего образования этих и часто других регионов, ибо сохраняются значительные вкрапления русскоязычного преподавания как гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплин: ведь большинство русскоязычных учебников, изданных за годы советской власти, сегодня по известным причинам заменить практически нечем. Очень похоже обстоят дела в системе академической науки: вероятно, не менее половины исследований ведется в смысловом пространстве русского языка. Ухудшающееся качество российских телевизионных программ, все еще доступных украинскому телезрителью, все равно остается выше того, что может предоставить ему, за редким исключением, бывшее республиканская телевидение. В массовой культуре начинает получать признание очевидное преимущество российских, московских исполнителей по количеству, качеству и убедительности влияния.

Вещный мир повседневности, созданный за годы советской власти в основном по технологиям и ГОСТАм, продуманным и составленным на русском языке, точно так же вызывает русскими, российскими значениями, сопротивляясь простой переноминации на украинский.

Вероятно, в жизни россиян какой-либо украинский культурный мир практически отсутствует. Даже некоторый обобщенный образ украинской (от гоголевских персонажей, живущих близ Диканьки, до советского пропагандистского образа жизнерадостно провинциальной Украины) и тот как часть советско-российской действительности оказывается, скажем так, повисшим в воздухе, утрачивает жизненно общую основу. Скорее всего можно говорить об осознании и сохранении в жизни сегодняшней России опущения странного состояния отделенности самой Украины (тут на конференции уже говорили в этом смысле о своеобразной фрустрации российского сознания).

Точно так же очевидно, как и возникновение украинско-российской культурной проблемы, сегодняшнее стремление присвоить себе именно свою культурную историю, без права владения которой самостийность и идентичность Украины и России остаются проблематичными. Потому и как делится посткоммунистические культурные миры?

Посткоммунистическая значимость культурологии. В противовес традиционному пониманию политики в области культуры как сферы приложения государственных усилий, поддерживающих деятельность министерств и заведений культуры (жизнь официальной, "высокой" культуры), сегодня имеет смысл говорить о сращивании культуры и политики. В этом смысле мы и будем использовать понятие культурологии.

Посткоммунистическая власть одной из первых распознала универсальную значимость и практическую применимость культурологии, обращаясь к этнонациональным формам культурной жизни и национальным идеям (российской и украинской) как к практической основе своей легитимации – свободного и добровольного признания населением. Начиная от Ельцина на танке под российским триколором и заканчивая полным риторическим единением с лозунгами перестроченного РУХа его вчерашнего противника и первого Президента Украины Кравчука, именно культурологические действия отчетливо осознавались ими как единственно возможный путь к самолегитимации.

Иначе и быть не могло, – и в этом кроется разгадка капитального изменения образа культуры (а именно его свидетелями мы сегодня являемся) от понимания культуры как системы универсальных ценностей, культивируемых преимущественно марксистскими просветителями, к образу и переживанию культуры как жизненного мира

этнокультурных, национально-культурных традиций. Понятно, что в ситуации сознательной борьбы с прежней идеологией и новой политической эlite, и народу, и каждому человеку была необходима система иных и, возможно, более незыблемых традиционных ценностей. Без этого осмыслиенная, человечески значимая жизнь невозможна. Таким основанием стала geopolитически акцентрируемая культура.

Без понимания культуры как фактора культурopolитического, т.е. без признания культуры в качестве одного из решающих условий и оснований легитимации посткоммунистической власти, вряд ли можно понять и сделать прозрачными возможные культуротношения между странами и регионами посткоммунистического мира.

Территориально-политическое расщепление советской квазимперии позволяет говорить уже о геокультурных – в смысле geopolитического влияния – последствиях: от бывшего Союза откальваются материки самостоятельной культурополитики. Разлом геокультурных миров позволяет заглянуть в бездну тектонических движений культурной жизни, в ее, если угодно, дionисическую темноту, которую воспевают романтики-националисты, недоступную, как правило, рассмотрению при свете разума.

Культурopolитическая нагруженность истории. Проблема легитимации посткоммунистической власти – лишь обратная сторона не менее важной для населения бывшего СССР, оказавшегося в новых государственных образованиях и условиях жизни, проблемы – проблемы идентичности. Обе проблемы отражают сходные процессы. В одном случае власть ищет основания для признания общественной значимости своих политических действий и действий, в другом – люди пытаются найти общественный, коллективный смысл своей жизнедеятельности. В обоих случаях именно этнонациональные формы жизни, культурные традиции и исторические ценности приобретают оправдывающее, узаконивающее значение. Культурно-историческое сознание, а следом за ним писанная и академическая история приобретают некритическую субстанциональность.

На волне успехов самостийности, в том числе и в самой России, из культурopolитического разлома материализуются в телесной оболочке обычайцев и политиков, интеллигентов и пролетариата, скажем так, самодеятельные носители самого основания легитимации и идентичности новых национальных политических образований, стран. Они легко узнаваемы по риторике и политическому поведению: они миссионеры коллективной этнокультурной идентичности и беззаветные борцы за нее. Они говорят от имени самого основания коллективно-национальной жизни. И хотя они, как правило, морализаторы и абсолютно

безапелляционны, это не хорошо и не плохо. Это просто есть.

Именно их стараниями культурная история изменяет свои значения, иногда на прямо противоположные. Главная задача их усилий – воссоздать, если угодно, присвоить волевым усилием свою историю, создать “нашу” историческую наррацию. История присваивается и усваивается на иных основаниях, чем рациональное знание фактов. Возникает культурopolитическая нагруженность исторических интерпретаций, становится понятной относительность любого факта культурной истории. На основе давно известных одних и тех же фактов возникает иная, чем прежде, история Украины и России.

Культурopolитическая нагруженность исторических интерпретаций необходимо условие легитимации новой власти и жизненного самоутверждения национальной общности. Хотя существует неустранимое желание доказывать объективность (возможную универсальность “для всех”) понимания исторических фактов, я думаю, что с культурopolитической точки зрения, с точки зрения представителей разных культурных идентичностей нет и не существует некоей “третьей”, неподелимой и, так сказать, абсолютной позиции. Как же в этих условиях делится бывшая “общая” культура? Иными словами, как могут Украина и Россия “поделить” между собой совместный мир прошлого?

Геокультурные предубеждения. В политическом, геокультурном смысле распад СССР переживается очевидно несимметрично. Правоприемничество сегодняшней России дает формальный повод говорить о переживании этого процесса в терминах отщепления от российского мира самостоятельных, независимых культурных миров и якобы их утрате. То же самое происходит, мне кажется, и с точки зрения сегодняшнего культурного самоопределения России и россиян: неизбежные апелляции к естественно-исторической (докоммунистической) идентичности наталкиваются на память имперского и квазимперского единства народов. Иначе говоря, для России – и для истеблишмента, и для населения – процесс упрочения нового политического режима оказывается, возможно, даже трагически противоречивым.

Дело в том, что вся возможная на основе выстраивания “своей” культурно-исторической традиции легитимация (возьмем хотя бы пример государственного флага и герба) неизбежно оказывается замкнутой в рамках представлений (наррации) исторически общего культурного мира России и / или СССР. Вот почему российская самostийность, политическое самоутверждение независимой (от Союза? от других наций?) России не могут не основываться на сохранении всеми доступными способами целостности того культурного мира (или, если угодно, его активно переживаемого образа), восстановление ценнос-

тной непрерывности которого придавало основной смысл политической активности российских демократов по деинтеграции Союза и соответственно делигитимизировало посткоммунистическую власть. Вот почему так различна Россия переживала отщепление Украины и Белоруссии, с одной стороны, и новоприобщенных за годы уже советской истории к российскому миру прибалтов, с другой. И уж совсем оказывается не готовой потерять вместе, например с Чечней, последний оплот целостности российского мира.

Противоречие в политическом самоутверждении посткоммунистической России с этой точки зрения выглядит неизбежным. Либерально-демократические ориентированные действия в политике вынуждены искать легитимации на пути обращения к очевидно имперским культурным ценностям и традициям. Политическая риторика испытывает формально-логические затруднения: с одной стороны, берите себе столько независимости, сколько сможете, но при этом, с другой стороны, знайте меру, которую никто не может установить, рационально спланировать.

Эта же двусмысленность в культурopolитических ориентациях оставляет с точки зрения "изнутри России" единственно приемлемый путь разрешения проблемы межкультурных взаимоотношений. Это установка (абсолютно понятная и объективно существующая) понимания культуротношений в единственной перспективе единения, созиания, если угодно — соборности. Она может принимать различные формы, начиная от полного признания того, что "все славянские реки сольются в российское море", говоря словами Пушкина, и заканчивая ослабленным пониманием культурного конкордата в конечном счете с российским центром. Это, повторюсь, не хорошо и не плохо: так есть. Но на этом пути возникают существенные препятствия — культурopolитические предубеждения сообществ и стран, получивших независимость, в данном случае — Украины.

Если применить данное рассуждение к культурopolитической ситуации в Украине, то выводы будут прямо противоположными. Проблемы легитимности посткоммунистической власти и национальной идентичности решаются в контексте волевого отъединения своей культурной традиции, своего единственного и единого (тут есть свои, иного порядка, проблемы "созиания") культурного мира от иных культурopolитических миров, особенно России. В первые годы независимости очень часто на митингах и среди наиболее активной на публике части политиков преобладала риторика отторжения российской культуры, резюмируясь в лозунге "Долой от Москвы!" Установка на войну культурных миров, против всяческого "братства" и "родства" очевидно

преобладала. В этой мировоззренческой перспективе любой разговор о возможном единстве, диалоге приобретает однозначный смысл поисков, повторюсь, абсолютной инаковости, "чуждости".

Мне кажется, формулировка этих двух предельно заостренных позиций в понимании и переживании (примером можно найти предостаточно) культуротношений Украины и России как раз и дает надежду на поиски возможных решений и для политиков, и для интеллигентов (интеллектуалов, деятелей культуры) обеих стран.

Перспективы культурopolитического диалога. Я считаю довольно-таки бесполезным занятием какие-либо исторические, якобы "объективные" доказывания "единства" Украины и России в одном культурном пространстве — прошлого или настоящего — на примерах науки истории как таковой. Всем хорошо известны противоположные интерпретации нашей действительно совместной истории, по крайней мере, начиная с 1654 года и по сегодняшний день. В зависимости от культурopolитических нужд заслыши Богдана Хмельницкого и его оппонента Бутурлина, отношение простого народа к единому царю (образ российской императрицы, например, у Гоголя и у Шевченко) и украинская манифестация 12 марта 1917 года в Петрограде, победа над фашизмом, Крым и даже Черноморский флот, а также мириады иных фактов обожжения — все они получат, без сомнения, противоположные значения. Так называемая общая история похожа, скорее всего, на глыбу мрамора с прожилками. Она едина, но, без всякого сомнения, в течении времени расколется на части по наметившимся уже трещинам. Что есть наша общая культурная история? Означает ли она, что мы обречены на вечный спор в порочном кругу своих мифов. Думаю, нет. Политически независимая Украина существует в условиях осознания и переживания навсегда отколовшегося геокультурного материка. Разлом культур России и Украины в этом смысле может и должен переживаться как позитивный фактор, как необходимое условие независимости. Это установка на абсолютную разницу наших культурных миров несмотря на всю реальную историческую и актуальную близость их и даже возможное единство.

Как представляется, на основе очерченной выше противоречивой ситуации двух культурopolитических ориентаций следует сформулировать один путь, наиболее перспективный с точки зрения более универсальных, чем наши локальные, культурных ценностей. Это путь признания разлома культур, их максимальной независимости, если угодно, всегда существовавшей абсолютной разницы в перспективе цивилизованного взаимодействия, взаимосотрудничества. Это путь достаточно рациональной, открытой для всех иных культурных влияний

и общиной коммуникации. Геополитически это некая перспектива геокультурной демократии.

Конечно же, это совсем не означает "войны миров", войны культуры, как склонны подавать свою самостоятельность глашатаи от культурных основ. Это означает только регулятивный идеал признания иного в качестве равноправного другого, настолько же (с некоторой универсальной точки зрения) ценной единицы, как ты сам и жизненный мир твоей культуры. Это означает ответственное отношение к иной и иным культурным мирам.

Только в перспективе принятия абсолютного различия наших культур утихомирятся желающие облагодетельствовать наши культуры за счет своих культурных достижений, называя из самых благих намерений те или иные формы содержательного единства. Они судят следующим образом: а разве плохо взаимообогащаться, признавая некоторые изначально общие культурные достижения и ценности? Да, это культурполитически несостоитительно. Это хорошая, благая, но иллюзия. Дело в том, что в области культурполитики мы обязательно решаем вопросы о власти, о ее распределениях, об обязательном большем или меньшем политическом насилии, а значит, совсем уж нетерпимы культурных навязываниях.

Часто переходят на язык старого, я сказал бы, универсалистского понимания культуры: мол, если та или иная культура ничего или мало дала миру общечеловеческих ценностей, то она, вообще-то, и не заслуживает признания как самоценность. Но сегодня это уже общее место – признание сущерности форм культурной жизни, культуры как культурного мира жизни. Впереди остается будущее.

Я переходжу на язык "увереностей", но, очень вероятно, что тот российско-советский мир, который сегодня повсюду присутствует в украинской жизни, уже находится на правах не столько "родного", сколько признаваемого "иного". Он близок, возможно даже, что он и останется навсегда в теле украинской культуры. Но это явление уже на другом, откололившемся культурном материке. Все больше и больше он будет восприниматься так, как мы сегодня воспринимаем все те вещи и цивилизационные значения, которые так охотно заимствуем из иных культур, не задумываясь и даже весьма охотно используя их в нашей – иной – жизни.

Мне кажется, что регулятивная идея признания абсолютного культурного различия позволит нам наладить продуктивный, открытый для других культурных влияний диалог между нашими культурами и нациями, независимый от благих пожеланий хороших или плохих политиков, хороших или плохих политологов.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ УКРАИНЫ И РОССИИ: ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ

Евгений КАМИНСКИЙ – заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины, редактор отдела международных отношений журнала "Политическая мысль", доктор исторических наук

Россия всегда было присуще стремление планировать и действовать на принципах верховенства военнополитических мотивов, нередко пренебрегая другими составляющими национальной стратегии и, соответственно, игнорируя суверенные права вступающих с ней альянс или союз. Украина действовала преимущественно по принципу "из нескольких зол выбирают кажущееся меньшим" и, как следствие, потеряла суверенитет.

Если в условиях доминирования пресловутого баланса сил или двухполюсного мира, основанного на системном противостоянии, такой подход, будучи ущербным для народа, выглядел все же логичным, то увеличивающееся ныне значение невоенных факторов возникновения и разрастания угрозы развитию любого государства, независимо от присущих ему геополитических показателей, делает названную доминанту крайне опасной. Ведь при этом игнорируется обещанное явление, состоящее в падении роли ряда исторических функций государства при одновременном росте коллективных функций, осуществляемых в рамках международных организаций и интеграционных формирований. Военнополитический и нередко, к сожалению, все еще экспансионистский акцент в российской стратегии, с одной стороны, и неопределенность политического будущего Российской Федерации, с другой, порождают сомнения относительно демократичности интеграционных устремлений официальной Москвы в постсоветском пространстве и не исключают возможности союза России с деспотическими режимами Востока в случае цивилизационного конфликта.

Украина в рассматриваемом отношении на протяжении последних пяти лет так же явно отставала от стержневого направления развития человечества, постепенно отходящего от абсолютизации понятия "национальное государство". Однако украинские политики были вынуждены сосредоточить внимание на создании основных государственных атрибутов и даже временами гипертрофировать их значение во многом и в силу того, что в российской стратегии Украина практически отведена роль не партнера или союзника в современном понимании, а

управляемого элемента, которому не позволено принимать самостоятельные решения. Многочисленные законодательные акты Госдумы, буквально навязывание собственного варианта решения проблемы Черноморского флота, постоянные манипуляции идеей односторонней зависимости — яркое тому подтверждение. Соответствующие воззрения присущи, как это не прискорбно признавать, и части российских ученых. Так, в аналитическом докладе "Россия: драма перемен" прямо заявляется о возможности применения силы в отношении Украины, если она откажется действовать по российскому сценарию.

Общиной в стратегическом отношении ущербным элементом поведения политиков России и Украины является игнорирование идеи о том, что обеспечение стабильного развития в беспрецедентных для человеческой истории переходных условиях крайне зависит от целевой парадигмы в мировосприятии государственных лидеров. Тем временем в обоих случаях со стороны власти имущих имеет место не столько "желание войти в историю создателями цивилизационно более высокого", сколько стремление воспользоваться хаосом радикального обновления для самообогащения, игнорируя положение собственно народа. От количества высоких деклараций о стратегических интересах обозначенная данность сущности не меняется. В обоих случаях тормозится создание стратегической основы стабильности государства, каковой чаще всего выступает средний класс как большинство граждан. (Известно, например, что в ФРГ и США выше 80% населения удовлетворено своим социально-экономическим положением и гарантиями прав человека). В случае с нынешними Украиной и Россией имеет место политическая доминанта, при которой каждая из сторон ставит во главу угла далеко не безусловный ключевой национальный интерес.

Официальная Москва, рассуждая о прогрессе, занятая восстановлением стратегического верховенства на, так называемом едином экономическом и, что для нее наиболее важно, военнополитическом пространстве. Официальный Киев в такой ситуации неизбежно вынужден был избрать стратегически путанную двух- или многовекторную интеграционную политику.

В результате обе страны тормозят создание внутренних стратегических предпосылок для участия в политически минимально конфликтной международной кооперации и интеграции, вызывая настороженность к своим перспективам. Тем временем хорошо известно, что к числу таких предпосылок относится внутренняя интегрированность обществ и государств, в частности через снятие внутренних угроз регионального, этнического и этноконфессионального происхождения.

России при этом, на мой взгляд, более всего мешает игнорирование того, что сверхдержавность, при всей негативности наполнения этого понятия, предполагает, прежде всего, экономическое и финансовое могущество; Украине — стремление одновременно находиться на Западе и на Востоке, ставя окончательное решение в зависимость от отношения к себе каждого из полюсов, а не от четко определенных стратегических интересов народа и государства.

Исходя из исторической традиции Украины и ее принадлежности к типу средних государств, ее систему стратегических интересов следует разделять на две составляющие: базово-формирующую с императивом завершения создания политической нации и перспективную, собственно и призванную стать такой системой в соответствии с существующими в мире стандартами, принципами и подходами. России такого рода разделение не представляется необходимым. Более того, в силу традиционного доминирования националь-патриотической тенденций в массах и среди подавляющего большинства политических движений и партий Российскому государству, на мой взгляд, прежде всего необходимо внутренняя доминанта в экономическом и культурно-политическом планировании и действиях. Образно говоря, чтобы быть великим государством, необходимо служить образцом экономического развития и политической стабильности, параллельно стараясь понимать других. Только в таком случае, кстати, возможна цивилизованная интеграция в рамках бывшего СССР, лишенная навязываемого многими политическими силами современной Российской Федерации реинтеграционного оттенка со всеми язвами и преступными деяниями политиков прошлых столетий.

Важно осознать — существующий набор факторов, диктующих общность, может быть реализовано исключительно на фундаменте сотрудничества, а не подчиненности, взаимопонимания, а не навязывания собственной схемы действий. Иначе, народам, берущим свое начало в единой Киевской Руси, грозит перспектива оказаться по разные стороны исторического развития со всеми вытекающими отсюда противостояниями, конфликтами и, главное, игнорированием коренных интересов двух народов, объединявшихся в прошлом исключительно на принципе "против третьей силы", а не "во имя внутреннего развития и процветания". Тем временем, реинтеграционная идея как очевидная стратегическая доминанта нынешней России строится по первой линии и неизбежно ведет к воссозданию коалиций, а не современных интеграционных объединений, в которых должен преvalировать принцип равенства суверенных национальных участников.

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ В УКРАИНЕ: НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ

Валерий ХМЕЛЬКО – заведующий кафедрой социологии Национального университета "Киево-Могилянская Академия", доктор социологических наук

Думаю, что национальные интересы Украины и России совпадают, помимо прочего, также и в том, что, с одной стороны, отношение населения каждой из наших стран к другой стране должно быть как можно более положительным, а с другой граждане Украины, и России должны быть адекватно информированы об отношении к их государству гражданам другого государства.

Мое сообщение имеет целью дать краткую информацию о некоторых аспектах отношения населения Украины к России по данным общекиевских выборочных опросов, репрезентативных для взрослого населения Украины, проведенных Киевским международным институтом социологии (КМИС) за последние три года.

Естественно, когда кто-либо ссылается на данные опросов населения, возникает вопрос о том, насколько эти данные соответствуют реальности. Ориентировочным критерием для оценки таких данных служит степень расхождения результатов опросов об электоральных намерениях населения с результатами голосований. По этому поводу можно сказать следующее. С ноября 91-го года, когда наш институт начал проводить общекиевские репрезентативные опросы, в Украине было четыре общекиевских голосования, с результатами которых можно было сопоставить данные опросов, в общей сложности по 16 результатам. Данные опросов нашего института в 14 случаях не отклонялись от результатов голосования более, чем на 2,6 %. И только данные одного опроса, проведенного за неделю до второго тура президентских выборов 94-го года, отличались от результатов телевизионных выборов Кравчука и Кучмы на 6 и 8 % соответственно. (Причем, как показал опрос, проведенный сразу после этого голосования, 23 % голосовавших изменили свои намерения на последней неделе перед голосованием после телебаттлов между Кравчуком и Кучмой, из них 15 % – в пользу Кучмы.) Таким образом, есть основания предполагать, что данные опросов нашего института не слишком далеки от реальности.

Что же говорят данные этих опросов об отношении населения Украины к России?

Прежде всего, имеет смысл обратить внимание на распределение ответов на вопрос: "Какова Ваша оценка каждой из следующих стран?", которые фиксировались по 5-ти бальной шкале (от "весьма положительной" до "весьма отрицательной") по отношению к России и к семи другим странам – членам "большой семерки"). Среди оценок России явно преобладают оценки положительные. Процентное соотношение положительных и отрицательных оценок в целом составляет 55 к 22. В том числе, весьма положительные оценки составляют 22 %, а весьма отрицательные – только 6. Взвешенный балансовый индекс оценок равен +24,5.

Сама по себе эта картина выглядит весьма благополучной, однако при сравнении оценок России с оценками населением Украины других стран оценки России вызывают определенную озабоченность. Дело в том, что доля весьма отрицательных оценок для каждой из других указанных стран (исключая США) составляет не более 1 %, и только по отношению к США составила 2 %. Процентное же соотношение в целом положительных и отрицательных оценок США составляет 69 к 6, в том числе весьма положительных оценок – 34 %. Взвешенный балансовый индекс оценок США +47,5 то есть, почти в 2 раза выше, чем для России. Еще лучше соотношение положительных и отрицательных оценок Германии – 68 % к 4, причем весьма положительных оценок – 36 %, а взвешенный балансовый индекс оценок Германии достигает +49,5.

Кроме того, картина отношения к России не выглядит достаточно благополучной, даже если не сравнивать ее с отношением к другим странам, а сравнить отношение к России в разных частях Украины. Данные наших опросов показывают, что наилучшее соотношение положительных и отрицательных оценок России фиксируется в Восточном регионе Украины (Харьковская, Луганская и Донецкая области) – 61 % к 14 и балансовый индекс здесь достигает значения +35,5. Но в западном регионе – в семи самых западных областях Украины – процентное соотношение положительных и отрицательных оценок России значительно хуже – 40 % к 35, а балансовый индекс составляет лишь +0,5 (это связано с тем, что весьма положительных оценок здесь несколько меньше, чем весьма отрицательных – 9 % против 13 %).

Не выглядит в этом аспекте обнадеживающим также и соотношение положительных и отрицательных оценок России среди молодежи Украины (в возрасте от 18 до 30 лет), которое оказалось не только не лучше, чем в целом для взрослого населения Украины, а даже несколько хуже – 55 % к 29, балансовый индекс оценок России молоде-

жью составляет лишь +18.

Конечно, приведенные количественные соотношения не отражают качественной специфики отношения населения Украины к России, особенно, его отличия от отношения к другим странам. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что только по отношению к России положительные чувства части населения Украины обладают той глубиной и интенсивностью, которые выражаются в желании, чтобы Украина и Россия объединились в одно государство. К началу 1996 года, по данным опросов нашего института, такое желание высказал 31 % взрослого населения Украины (от 18 лет и старше). Правда, нужно иметь в виду, что доля высказывающихся за такое объединение к началу прошлого, 1995 года, составляла 34 %, а к началу позапрошлого, 1994 года, достигала даже 41 %. Именно тогда, почти три года тому назад, среди взрослого населения Украины был зафиксирован самый высокий – за годы ее независимости – процент согласных отказаться от независимости Украины ради ее объединения с Россией в одно государство.

Не секрет, что некоторые неоимперски ориентированные политики России одобрительно высказываются о наличии в Украине немалой доли людей, желающих, чтобы Украина объединилась с Россией в одно государство. Но я думаю, что национальным интересам развития России как демократического государства наличие таких настроений у части населения Украины не соответствует. Наоборот, оно им противоречит. У большинства остальных граждан Украины, которые хотят, чтобы Украина сохранила свою независимость, такие настроения, естественно, могут вызывать негативные чувства не только по отношению к своим непатриотически настроенным согражданам, но и по отношению к объекту этих настроений, то есть по отношению к России. Я думаю, вы согласитесь, что национальным интересам и Украины, и России отвечает положительное отношение большинства граждан каждой из наших стран к другой стране.

И поэтому уменьшение в Украине за последние три года доли населения, не настроенного поддерживать ее независимость, является положительным сдвигом с точки зрения национальных интересов обеих наших стран. Тем более, что одновременно это сопровождалось и некоторым сокращением численности тех, кто хочет видеть отношения между Украиной и Россией такими же, как с другими государствами – с закрытыми границами, визами и таможнями (их число сократилось с 18 до 14 процентов). И, главное, это сопровождалось также заметным увеличением численности тех, кто хочет, чтобы Украина и Россия были независимыми, но дружественными государствами – с

открытыми границами без виз и таможен (их число возросло с 38 до 49 процентов).

Причем численность сторонников таких отношений между Украиной и Россией возросла не только в восточном регионе (с 29 до 49 %) и в восточно-центральном (с 41 до 53 %), но также и в западно-центральном (с 42 до 55 %), и, даже, в западном регионе (с 36 до 43 %). И эта тенденция, а также и тот факт, что сторонников открытых, дружественных отношений между Украиной и Россией больше всего среди молодежи – в возрастной группе от 18 до 30 лет их 56 %, это дает определенные основания для оптимистического взгляда и на будущее отношение к России в Украине.

НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Виктор НЕБОЖЕНКО – заместитель председателя Фонда поддержки национальной безопасности Украины, кандидат философских наук

В России произошла смена стилей политического поведения элиты. В первые годы реформы московская и провинциальная элиты делали ставку на решение внутренних экономических и политических проблем и проведение на этой основе собственной внешнеполитической стратегии. Сейчас же решение внутриполитических сложных проблем тесно увязывается с актуализацией внешнеполитической стратегии России и происходит, как правило, "за счет других". Обращает на себя внимание, что такой политический стиль характерен для России уже несколько столетий. Советская власть также не смогла полностью отказаться от этой парадигмы и только модифицировала ее в соответствии с коммунистической идеологией. Так, на протяжении нескольких десятилетий советский народ пугали международным империализмом и уговаривали еще немного потерпеть. В результате усиленной многолетней обработки в советском массовом сознании сформировался тезис "путь бедность – лишь бы не было войны". А борьба за мир была не менее важным внутриполитическим средством в идеологической борьбе, чем миф о скором приходе коммунизма. Кознями внешних врагов можно было объяснить буквально все.

Поэтому, сейчас, как только в Москве происходит очередное опасное обострение внешнеполитической ситуации так сразу же российские политики начинают активно заниматься своей внешней политикой.

Геополитические взгляды противников в Москве оказываются не менее важным орудием в борьбе за власть, чем любые другие политические средства.

Украина первая оказывается в ряду претендентов на принципиальное внимание московских политиков. При этом можно не сомневаться, что чем хуже ситуация в самой России, тем агрессивнее делается ее внешняя политика. Это уже становится правилом. Так было во времена принятия Госдумой решения о денонсации беловежских соглашений, когда группа силовиков во главе с Коржаковым готовилась всеми доступными им средствами сорвать президентские выборы в России. В то время российские политики и commentators заговорили об угрозе военного переворота и гражданской войны. Интеграция России с Беларусью была не последним козырем в президентской компании как Зюганова, так и Ельцина. И как только выборы закончились, Москва потеряла интерес к своему белорусскому соседу. И только бурная активность президента Лукашенко и поиск достойного ответа на расширение НАТО заставляют Москву прислушиваться к Минску.

В пользу вывода о том, что внешние проблемы становятся средством внутриполитической борьбы свидетельствует и выступление мэра Москвы Лужкова на торжественном вечере в честь празднования трехсотлетия ЧМФ. Он также заявил о исконной принадлежности Севастополя России. Обращение Лужкова к морской элите России не случайно. Оно свидетельствует, что в политическую жизнь России все больше втягиваются военные. Здесь важно отметить, что резкий поворот России в вопросе о ЧМФ происходил на фоне снятия главы СНБ России генерала Лебедя и усиления роли другого генерала — министра МВД России Куликова. Как бы московская элита не относила к "выскочке" Лебедю, еще хуже она относится к политическим играм милицейских генералов. Со временем Щелокова милиция находилась в тени российских спецслужб и армии. А сейчас впервые наблюдается открытое партнерство военных (Родионов) и милиции (Куликов) в политической игре при ведущей роли последнего. Но их мезальянс отнюдь не случаен. И тот, и другой имеют "блестящий" опыт проведения операций по "умиротворению" массовых волнений и "организации" чрезвычайных ситуаций с кровавыми последствиями. Генерал Родионов был одним из организаторов побоища в Тбилиси, а генерал Куликов вместе с Ельциным в 1993 году расстреливавший российский парламент и политическую оппозицию. Широко известен его "опыт решения" чеченской проблемы, который бы в любой другой демократической стране закончился бы для него отставкой или тюрьмой. Не следует забывать, что МВД России по своей реальной боевой под-

готовке не уступает армии. Рост военно-политической мощи МВД характерен для всех стран СНГ. Рост политического влияния коррумпированных и озлобленных своим поражением в Чечне российских МВД не может не пугать московскую элиту. Однако она была недовольна и активной политической ролью воздушно-десантных войск в лице генералов Грачева и Лебедя.

Как бы не относились друг к другу Грачев и Лебедь, они в тоже время успешно укрепляли ВДВ России за счет других родов войск. Первое, что сделал генерал Лебедь на посту секретаря Совета национальной безопасности, — стал продвигать военную доктрину России, где ведущую роль должны были играть не традиционные приоритеты — ракетные войска и стратегическая авиация, а именно военно-воздушные части, усиленные за счет научно-технического потенциала российского ВПК и перехода на профессиональный принцип комплектования. И сейчас, когда в российской армии идет борьба за материальные ресурсы и внимание политического руководства, активность десантников и милиции не может радовать генералитеты других родов войск.

Таким образом, московская политическая элита к осени 1996 года оказалась втянутой в политическую борьбу трех силовых структур — спецслужб (Коржаков), десантных войск (Лебедь) и внутренних войск (Куликов). А так как силовики становятся постоянно действующим фактором в российской политике, то московская элита усиленно ищет альтернативы этим генералам. Просходит усиленное погружение российских военных в политику. И тут обострение проблемы ЧМФ дает возможность активизировать политический потенциал военно-морских сил России. Для этого ВМФ России имеет ряд предпосылок. В отличие от других родов войск он обладает соответствующими "силами быстрого реагирования", хорошо подготовленными десантными подразделениями, которые, что очень важно, могут выполнить боевую задачу не только по отражению внешнего противника, но и внутри России, например, в Москве... Политико-идеологические подразделения ВМФ России, особенно ЧМФ, имеют большой "опыт" политико-идеологической борьбы, например на территории Украины в вопросе о судьбе ЧМФ, Крыма и Севастополя. Мы уже не говорим о разведывательном и интеллектуальном потенциале ЧМФ. Именно этот флот, по мнению московских политиков и аналитиков, больше всего "пострадал" от раз渲ала СССР и возникновения украинской государственности. Поэтому проблема ЧМФ вновь "всплыла" на поверхности и без того сложных украинско-российских отношений.

Таким образом, московская элита, обостряя вопрос о разделе ЧМФ и судьбе Севастополя, решала сразу две задачи: внешнюю – давление на Украину и создание выигрышных для себя новых условий переговорного процесса и внутреннюю – поиск альтернативы влиянию МВД и ВДВ России на политическую жизнь страны. В политической жизни России, кажется, наступает время "моряков". Это уже было в истории России...

Но вторичная милитаризация политической жизни России является не единственным фактором внутриполитической борьбы. Косвенно, но довольно отчетливо односторонняя ревизия украинско-российских договоренностей направлена на Ельцина. Его украинская и черноморская политика критикуется как не отвечающая национальным интересам России. А зная о застарелом вражде Лужкова и Чубайса, можно предположить, что внешнеполитическая активность мэра Москвы имеет в качестве своей цели и личность, и стратегию главного приватизатора России, который откровенно ориентируется на Вашингтон. Критика американализированного главы президентской администрации Чубайса означает, что под видом защиты исконно русских ценностей идет сворачивание вестернизированного варианта модернизации российского общества и экономики. Ведь в конечном итоге в этой "справедливой борьбе" за Севастополь и ЧМФ растет влияние как армии, так и ВПК, который всегда был оплотом русских патриотов и противником либерализации экономики.

Иными словами, не последнюю роль в обострении проблемы с ЧМФ играет переорIENTATION российской элиты с демократических и реформистских ценностей общественно-политического развития на традиционные для России державническо-исторические и славянско-патриотические символы и ценности. И в этом контексте пышное празднование 300-летия ЧМФ и борьба за Севастополь как сохранение символа "Российской Истории и Славы" являются частью новой политической стратегии, которая со временем наверняка будет набирать обороты и распространяться на все большие сферы жизни российского общества. Ее элита устала проводить экономические и политические реформы. Их последствия угрожают ее власти и потерей российской идентификации. Цена каждого следующего шага в этом направлении связана с большими трудностями и риском для России. Поэтому происходит отход к традиционным способам общения со своими и чужими народами – посредством силы и идеологии. Коррекция политического курса России налицо.

Актуализация черноморской проблематики хорошо вписывается в популярную сейчас московскую geopolитическую стратегию создания пророссийских анклавов- форпостов обороны и влияния России. В

случае "удачи" России в создании такого форпоста в Севастополе он меньше всего будет похож на американскую базу на Кубе. Скорее всего он станет основой цепочки передовых рубежей-форпостов от Абхазии до Балтии. Сюда удачно вписывается Приднестровье, Беларусь и Калининград. В связи с этим вполне возможно, что Закарпатье также испытает на себе последствия внимания создателей концепции "держивания противника" (Запад) на передовых рубежах. По крайней мере не надо забывать, что в стимуляции закарпатского сепаратизма будут заинтересованы не только ближайшие западные соседи, но и Россия. Эта концепция, возникшая в недрах симбиозных военно-интеллектуальных структур Москвы, очень похожа на классическую советскую военную доктрину согласно которой передовые воинские подразделения должны были принять первый удар далеко от границ СССР в Германии, Венгрии и других странах. Сейчас масштаб не тот, но ход мышления остается прежним. Таким образом, geopolитические ставки в черноморской игре гораздо выше, чем стоимость остатка в то, что раньше гордо называлось ЧМФ СССР.

Не следует забывать, что новая политика России относительно будущего ЧМФ и Севастополя имеет не только российские внутристоронние мотивы, но и серьезные последствия для внутренней политики Украины. Прежде всего, новая концентрация внимания Москвы на проблеме ЧМФ неизбежно обострит ситуацию в Крыму и вызовет, с одной стороны, прилив политической активности пророссийских сил, а с другой, дальнейшую мобилизацию крымско-татарских политических образований. Со временем, стимулируя рост политической напряженности и конфликтов в Крыму, российские политики и дипломаты получат возможность показать миру, что Украина не может самостоятельно справиться с возникшими трудностями и что Россия, получив, например как США в Югославии, мандат международных сил, могла бы "помочь" Киеву справиться с возникшей ситуацией. Таким образом Россия получала бы возможность непосредственно вмешиваться во внутренне дела Украины.

Без сомнения, актуализация проблемы ЧМФ и Севастополя обострит отношения между различными отрядами украинской политической элиты, ориентированными на Запад и Восток. Можно представить себе, какую бурю эмоций вызовет обсуждение любого документа по ревизии черноморских договоренностей в украинском парламенте. Прекрасно разбираясь в украинских внутренних делах, Москва хорошо понимает, что если ей удастся добиться уступок в этом вопросе со стороны политического руководства Украины – президента Кучмы, то национал-демократы откажут ему в своей поддержке. Между тем,

после того как президент Кучма лишился поддержки общественного мнения, СМИ и региональных элит восточной и южной Украины вследствие неразумной внутренней политики и невыполнения своих предвыборных обязательств, национал-демократы остаются его последней опорой как в украинском парламенте, так и общественном мнении страны. Но этого явно недостаточно для победы в борьбе за второй президентский срок. Политические противники Кучмы подбрасывают ему сложные, практически неразрешимые для него проблемы. И какое бы решение по ЧМФ он не принял, оно вызовет критику со стороны его основных противников. И в Москве это прекрасно понимают. Таким образом, Москва создает для президента Кучмы явно невыигрышную политическую ситуацию, когда его будут критиковать и левые и правые.

Еще один внутриполитический аспект агрессивной российской политики по ЧМФ связан с кризисом в силовых структурах Украины. Сам намек на возможное, хотя и вынужденное под давлением, отступление украинского политического руководства от достигнутых ранее договоренностей по ЧМФ привел к отставке в руководстве украинским ЧМФ адмирала Бескоровайного и его замов. Теперь наших морских офицеров будет довольно трудно убедить в серьезности намерений политического руководства создать собственный флот.

В свете сказанного становится очевидным, что как только Россия будет погружаться в очередной политический кризис, мы всегда будем сталкиваться с обострением украинско-российских отношений. Это так сказать издерки опасного соседства со страной, которая неизменно хочет быть великой...

РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ УКРАИНЫ

Владимир СИДЕНКО — заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины, редактор отдела международных экономических отношений журнала «Политическая мысль», кандидат экономических наук

Определяющей характеристикой внешнеэкономического курса Украины в отношении России является его ярко выраженная двойственность. С одной стороны, на уровне официальных деклараций России отводится роль, если не приоритета № 1, то, по крайней мере, одного из важнейших приоритетов внешнеэкономической политики

Украины. С другой — реальные действия украинского руководства настолько часто расходятся с действиями российской стороны, что можно констатировать прогрессирующие тенденции к экономической дезинтеграции двух стран.

Украина переживает начальный период становления своей государственности, для которого, как показывает мировой опыт, характерен обостренный национализм вообще и экономический национализм в частности. Возникающие при этом стремления вырваться из старой орбиты развития, радикально перестроить систему своих внешнеэкономических и политических отношений являются практически всеобщей закономерностью и подкрепляется, как правило, завышенными ожиданиями и комплексом переоценки собственной необходимости для других стран. Однако справедливо и то, что преодоление "силы тяготения" к своим прежним партнерам, обусловленной огромной инерционностью сложившихся экономических структур и стойкими стереотипами поведения субъектов хозяйственной деятельности, оказывается на практике далеко не простым делом, и успех в нем отнюдь не гарантирован. Именно это расхождение между желаниями (активно стимулируемыми странами "группы 7" и международными финансовыми организациями) и возможностями (которые не изменяются существенно декларируемой вследствие внешних вливаний) и предопределяет расхождение между внешнеэкономической стратегией и реально реализуемой.

Стремясь к определенному экономическому отделению от России, Украина, по всей видимости, могла бы при благоприятных обстоятельствах получить в долгосрочном плане ряд важных преимуществ, в частности:

- расширение сферы реализации выгод от участия в международном разделении труда и развитие более открытой для внешнего мира структуры экономики, основываясь на своих сравнительных преимуществах;

- опора на связи с наиболее развитыми странами, конкуренция с которыми из низ стимулирует технологическое обновление внутри стран;

- увеличение пространства для вариантности в экономическом развитии, на основе применения использования альтернативных источников получения сырья, материалов, оборудования, технологий, различных рынков сбыта;

Все это создает основу для большей экономической безопасности страны в результате создания для нее дублирующих систем.

Однако в краткосрочном плане ускоренный темп разрушения взаим-

ных связей и цементировавших такие связи элементов единой инфраструктуры, единого управления вызвал своего рода двойной шок при переходе рыночной экономике. Если первый шок связан с обвальной либерализацией цен и внешнеэкономической деятельности в условиях ужесточившихся монетарной и бюджетной политик, то второй – с распадом традиционных хозяйственных связей.

Этот двойной шок для экономики Украины является слишком большой перегрузкой, что обуславливает глубокую экономическую рецессию.

В результате темп разрушения старых связей значительно превышает темп создания новых связей, которые необходимы для выхода из кризисного состояния. Кризис приобретает затяжной и во многих аспектах труднообратимый, самоподдерживающийся характер, разрушая, прежде всего, высокотехнологичные производства.

Продолжение этой тенденции в условиях, когда Украина в значительно большей степени зависит экономически от России, чем последняя от нее (доля импорта из России в ВВП Украины в последние годы в 15-17 раз превышает аналогичный российский показатель), в какой бы идеологической обертке оно ни подавалось, чревато для Украины самыми серьезными последствиями, вплоть до полного срыва процессов рыночной трансформации и, в конечном счете, фактической утраты своей государственной независимости. Таким образом, исповедуемый украинским руководством принцип диверсификации внешнекономических связей должен реализовываться не через экономическое отделение от России, а через совместное вхождение двух государств в общеевропейские экономические структуры и систему международного разделения труда и создание на этой основе условий для ускоренного роста экономически эффективных связей со странами дальнего зарубежья. В этом аспекте необходим пересмотр и стратегической линии в отношении экономического союза стран СНГ, который вряд лиrationально, исходя из собственных же национальных интересов, рассматривать лишь как "механизм для цивилизованного развода".

Проведение активной конструктивной политики многосторонней координации и сотрудничества способно в значительной мере нейтрализовать те негативные для Украины эффекты, которые вытекают из очень высокой степени зависимости от российской экономики.

РОССИЙСКАЯ И УКРАИНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Джеймс МЕЙС – ведущий научный сотрудник Института национальных отношений и политологии НАН Украины, заместитель главного редактора журнала "Политическая мысль", доктор истории

Отношения между нациями тем более, между их элитами зависят от того, как они всматриваются друг в друга как народы, как нации, как государства.

Как историк и исследователь национализма я время от времени останавливаюсь на моментах субъективизма в истории. Существуют объективные факты, но также и субъективные моменты, к примеру: что мы вкладываем в "нашу" историю, как мы решаем что "наше" и "не наше", а также такие неизбежные субъективные моменты, как схема, концепция, интерпретация. В небольшой, но блестящей книге Бенедикта Эндерсона "Воображаемые общинны" (Imagined Communities) речь идет о нации как об относительно модерном и изменчивом феномене. Ситуация, в которой мы все являемся членами тех или других наций или национальных общин, достаточно модерная (даже во Франции – парадигматическом национальном государстве, большинство предков современных французов восприняли свою национальную идентичность около ста лет назад). Наши предки, создавая наши "воображаемые общинны", оказались перед необходимостью вначале запроектировать новые национальные ценности, понимание и другие аспекты, с которыми соприкасается любая нация, на времена и периоды, когда такие ценности и понимание являются абсолютно чуждыми большинству людей. Я считаю, что корень большинства проблем украинско-российских отношений нужно искать именно в этой плоскости, то есть в различном понимании, что "наше" и что "не наше", и в первую очередь в различном понимании, что есть наша, и что не наша история.

Российская историография веками работала над созданием общерусской схемы истории великорусского государства как единого потока, единого процесса. Украинский историк Михаил Грушевский утверждал, и с ним соглашались русские историки А. Е. Пресняков и М. К. Любавский, что такая схема в принципе невозможна, потому что нерациональна.

Так или иначе сегодня в России мало кто связывает возникновение так называемой русской идеи, неразрывным компонентом которой является идея трех единокровных народов, с патриархальными ис-

токами династических претензий московских Рюриковичей.

Никакой дискуссии по этому вопросу не существует. Все движется веками заведенным порядком: один говорит, другой просто не слышит. Ведь если признать, что Киев — украинский город, значит, следует признать, что история России не имеет своего начала, следовательно так называемая "российская" идея неминуемо должна подвергнуться значительной модификации и трансформации. По бытующему среди российских интеллектуалов мнению — это интеллектуальная и политическая катастрофа, которая может иметь далеко идущие последствия.

Но лично я убежден, что между Украиной и Россией никогда не прекратятся трения, если Москва будет продолжать выводить истоки своей истории из матери городов русских Киева, а не займется вплотную проблемой идентификации собственного народа и роли собственного государства, восприняя и переработав материал, накопленный не только украинскими историками, а и российскими. И покуда в тех или иных формах будет реанимироваться русская идея: в форме православия и великорусности или же в форме коммунистической идеологии, в которой русская идея играла роль цементирующего клея для создания новой исторической общности советского народа на почве русоцентризма, нерусским народам будет нелегко подавить в себе чувство исторической обиды, и они всегда будут пытаться защитить себя различными блоками, союзами, а то и войнами, как это случилось в Чечне, против опасности, которую постоянно генерирует Россия по отношению к новосозданным государствам, против ее территориальных и иных претензий. Кстати, претензии эти также выдвигаются за вотчинным, а не национальным правом, которое восприняли и переработали большинство модернских государств.

Когда-то русский философ С. Булгаков подсмеивался над украинцами как народом, который сам себя выдумал. Парадоксально, но он прав. Каждый народ сам себя выдумывает. Своей историей, мифами, песнями, культурой, деятельностью своих элит. Украина "выдумала" себя как отдельную нацию давно. К независимости вынудила их история, когда распадалась последняя империя. Для Украины независимость означает независимость прежде всего от России. И пока Россия поглядывает на Украину как на то что-то потерянное, украинская независимость из чувства самосохранения будет направлена против России. Только в случае, когда Россия настолько "выдумает" и "перевыдумает" себя как отдельную от украинцев, будет возможна крепкая дружба и даже братство восточнославянских народов.

УКРАИНА И РОССИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Игорь БУРАКОВСКИЙ — доцент Национального университета "Киево-Могилянская Академия", редактор отдела экономического анализа и прогнозирования журнала "Политическая мысль", кандидат экономических наук

После распада Советского Союза Украина и Россия оказались перед очень непростой проблемой — необходимостью развития экономических отношений с мировым сообществом в широком смысле этого слова и построения системы связей с бывшими советскими республиками на двух- и многосторонней основе. Обе страны приступили к решению данной задачи, имея разные стартовые условия. Если Россия унаследовала соответствующий аппарат бывшего СССР и определенную систему международных отношений (договора и соглашения, связи и т. д.), то Украина вынуждена была создавать свою внешнеэкономическую политику (концептуально и институционально) практически с нуля. Что же касается связей в регионе бывшего СССР, то и Украина, и Россия начали их развивать, находясь практически в одинаковых условиях.

Поэтому анализируя развитие украинско-российского экономического сотрудничества в современных условиях, следует четко выделять объективные сложности становления такого взаимодействия, а также противоречия, вызываемые конфликтом интересов. В этой связи представляется возможным классифицировать имеющиеся противоречия следующим образом:

- Противоречия, вызванные конфликтом интересов отдельных секторов экономических агентов двух стран. К ним можно отнести традиционные проблемы нефте- и газопоставок и расчетов по ним, транзита нефти и газа через территорию Украины и т. д. Эти противоречия достаточно рельефно проявляются прежде всего в сфере двусторонних отношений, тогда как конфликты на рынках третьих стран еще не оформились в достаточной мере (за исключением разве что отдельных операций на рынке вооружений, продажи отдельных видов металлов и металлоизделий).

- Противоречия, обусловленные недостаточным уровнем развития институционально-режимной базы сотрудничества. Так, несмотря на соглашение о свободной торговле, Россия время от времени ограничивает доступ отдельных товаров на украинский рынок. Украина, в свою очередь, в одностороннем порядке периодически использует

зовала часть транзитного российского газа для удовлетворения собственных нужд. Среди данной группы проблем выделяются отсутствие эффективного механизма взаимных расчетов.

3. Противоречия, обусловленные политическими мотивами. Так, неурегулированность вопроса о Черноморском флоте создает искушение для обоих сторон связать его с теми или иными экономическими проблемами. В то же время Черноморский флот сам по себе обуславливает целый комплекс экономических проблем для каждой из стран.

Перечисленные выше противоречия можно с достаточно большой долей достоверности рассматривать как экономически обоснованные. Вместе с тем сегодня представители двух стран (правительственных и предпринимательских кругов) очень часто говорят о проблемах, сугубо внутренних, которые, тем не менее рассматриваются как результат недобросовестных действий партнера. Так, очень часто говорят о вытеснении национальных производителей с рынка партнера. Этот тезис, по нашему мнению, неверен, ибо в основе такого явления лежит, прежде всего, целый ряд причин объективного свойства.

По моему мнению, наличие многих противоречий связано с тем, что до настоящего времени в двух странах не завершился процесс формирования подлинно рыночных экономических агентов. Поэтому предприятия и фирмы часто апеллируют к государству, стремясь переложить на него значительную часть издержек, связанных с адаптацией к новым экономическим условиям.

Ряд проблем вызван и неадекватно понятыми приоритетами и формами взаимного сотрудничества. Нельзя, очевидно, признать серьезной идею о совместном вхождении Украины и России в Европейский Союз, например. Такие идеи изначально не могут быть реализованы, а поэтому их превал затрудняет взаимное сотрудничество.

Многие экономические проблемы могут быть успешно решены, если взаимное экономическое сотрудничество будет в максимальной мере деполитизировано. В данном случае речь идет о том, чтобы обе стороны руководствовались в решении возникающих проблем здравым pragmatismом, а не идеями национальной исключительности либо комплексом "старшего" и "меньшего" брата.

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В УКРАИНО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Николай ТОМЕНКО — директор Института посткоммунистического общества, редактор отдела сравнительной политологии журнала "Политическая мысль", вице-президент фонда "Українська перспектива", кандидат исторических наук

Я хотел предложить некоторые соображения в контексте уже прозвучавших на нашем семинаре идей. Таким образом начать дискуссию относительно заявленной темы разговора и тезисов, высказанных моими коллегами.

Соображение первое, относительно дискуссии о демократии в Украине и в России.

На мой взгляд, суть проблемы нынче не в том, что Украина и Россия не состоялись как демократическое общество, и даже не в том, что сама идея демократии дискредитирована. Наиболее важным есть то, что это произошло при непосредственном участии наших коллег, ученых, экспертов и журналистов. Именно они стали носителями концепции так называемой "новой Украины" и "новой России", которые, к сожалению, ничего общего с идеей демократии не имеют. Интересно, что аргументы в пользу выше упомянутого подхода были однопорядковыми (оправдание недемократических принципов деятельности власти базировалось на тезисе уникальности переходного периода развития общества). В связи с этим в Украине и в России возникла практически аналогичная ситуация в контексте системы и структуры власти. Реальным центром власти ныне в двух странах является администрация президента в оригинальном сочетании с Советом национальной безопасности, который противостоят команды премьер-министров. Наиболее печально для двух стран то, что ни российский, ни украинский всенародно избранные президенты сегодня реально не влияют и не контролируют ситуацию в целом. Более того, администрации президентов двух соседних государств обладают такими полномочиями, которые не соответствуют правовым или конституционным нормам в целом института президентства. Уникальным также есть появление в среде этого неконституционного центра власти "семейного синдрома". В Украине он характеризовался тем, что Леонид Кучма помогал руководить страной сват Анатолий Франчук, по совместительству премьер-министр Крыма, а главе администрации Дмитрию Табачнику — его брат, который некоторое время занимал должность его заместителя. В России последнее время весомую роль начала иг-

рать дочь президента Татьяна Дьяченко. В рейтинге российских политиков за октябрь (см. "Независимая газета", 1 ноября 1996 г.) российские эксперты поставили её на четырнадцатое-пятнадцатое место. Нет ничего удивительного, что дочь президента по своему влиянию опережает российского министра обороны, но совершенно непонятно, почему российские эксперты оценили этот факт как вполне положительный и нормальный (знакомый рейтинг "+1,5"). Схожая ситуация и с оценкой Бориса Березовского. В октябре Березовский не занимал государственных должностей, но очутился десятым в рейтинге, обойдя Евгения Примакова. Но самое интересное, что российские эксперты снова посчитали это нормальным явлением и оценили невысоким, но положительным баллом. Здесь возникает ключевой вопрос: или новые российские полигологи именно так понимают сущность новой российской демократии, или их попросили, чтобы они так это понимали.

Кстати, для сравнения, в подобном рейтинге украинских политиков украинский глава администрации занимает, как правило, высокое — четвертое место в контексте влияния на политику, но эксперты традиционно оценивают этот факт как крайне отрицательный. Поэтому, Дмитрий Табачник вместе с лидером коммунистов Украины Петром Симоненко уверенно возглавляют таблицу отрицательных политиков.

Другим, очень важным симптомом неадекватности так называемых демократических обществ Украины и России является перманентная дискредитация парламентов двух стран. Пиком политического давления на парламентские институты стали периоды принятия Конституции. Именно здесь власть показала, что она не в состоянии действовать в системе демократического принципа принятия решения. В России конституция была принята путем фактически не легитимного референдума после распуска парламента. В Украине подобная схема не сработала лишь в силу определенных, скорее всего субъективных, обстоятельств. И, как известно, после Указа Президента о фактическом приостановлении работы парламента и вынесения на референдум нелегитимного проекта Верховный Совет Украины за ночь проголосовал за украинскую Конституцию. Сегодняшняя ситуация практически не изменилась. Исполнительная власть двух стран продолжает утверждать свои народы, что их парламенты, во-первых, насквозь коммунистичные, во-вторых, они вообщеrudiment в современной системе власти.

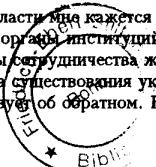
Следующим моментом, ярко характеризующим отношения к основным идеям демократии, послужил период конституционных дискус-

ций. Как украинские, так и российские эксперты в целом оценивали президентские проекты конституции своих стран как вершину современной демократической мысли. В то же время они, оценивая проект конституции, предложенный президентом Беларуси, назвали его тоталитарным по содержанию и даже фашистским по направленности. Сравнивая вышеупомянутые три проекта конституции, следует сказать, что по основным параметрам они если не идентичны, то одного порядка. Таким образом, если речь идет об оценке политического процесса соседнего государства, учёные и эксперты довольно последовательны и принципиальны. Если оценивается состояние дел в своей стране, возникает проблема корректности политологического анализа.

Теперь следует остановиться на нескольких тезисах, которые прозвучали в предыдущих выступлениях.

Тезис о проблеме идентификации украинского общества в контексте выбора между Украиной и Россией. Здесь прозвучала мысль о несложной биполярной схеме этнополитической ориентации населения в Украине. То есть представители определенных регионов относят и мыслят себя частью Украины, другие, соответственно, — России. На мой взгляд, такой подход не только общий, но и научно некорректный. Исследования моих коллег социологов свидетельствуют о том, что в тех регионах, где отсутствует украинская самоидентификация населения Украины граждане, как правило, отождествляют себя с регионом. То есть, житель Одессы считает себя прежде всего одесситом, а Донецка — донетчанином, а вот идентификация за этнической или государственной характеристикой для него вторична. Более того, следует отметить, что довольно расхожее мнение о наличии в Украине перманентного, априори существующего по этнической линии конфликта, мягко говоря, не соответствует действительности. В соответствии с исследованиями экспертов фонда "Украинська перспектива" и других аналитических центров основной линией конфликта украинского общества является не этническая, партийная или идеологическая, а ... возрастная. То есть ориентации молодого и старшего поколения наиболее контрастно представляют принципиально разные подходы к оценке происходящего в стране и к концепции будущего развития общества. Все другие противоречия важны, но не определяющие.

Тезис о сотрудничестве интеллектуалов и власти мне кажется довольно не однозначным. Конечно, хорошо, что органы институций российской власти предлагают различные способы сотрудничества журналу "Политические исследования". Но практика существования украинского журнала "Політична думка" свидетельствует об обратном. В свя-

з с этим оптимальной является следующая общеизвестная схема: интеллигенты готовят свой аналитический продукт, а власть не принимает или не принимает его во внимание. Такой подход не предполагает социальный заказ со стороны органов власти и дает возможность ученым выполнять свой профессиональный долг, не предавая свои научные идеалы.

Что же касается будущего украинско-российского диалога, то, выражаясь классическим термином трех составных этого процесса, диалог властей и интеллигентов следует дополнить диалогом интеллигентов. Ибо сегодня дискуссия между представителями власти и даже представителями интеллигенции двух стран отчасти ущербна. Власть преследует собственные, как правило, клановые, а не общественные, интересы, а интеллигенция лишь создает определенный культурный фон этому узкономенклатурному общению. В связи с этим большинство представителей так называемой украинской и российской интеллигенции (я бы обозначил их следующим образом: интеллигенция — это социальная прослойка людей, которые беззаветно любят свою родину и хотели бы за это получать соответствующее материальное вознаграждение) сегодня скорее обслуживают власть, чем являются духовными предводителями своего народа. Поэтому диалог интеллигентов смог бы сделать качественный прорыв в отношениях Украины и России. И тогда, перефразируя слова известного политика, можно будет утверждать, что лишь при равнозначном диалоге украинских и российских интеллигентов демократическая Украина и демократическая Россия возможны.

НЕОНОМЕНКЛАТУРНАЯ ВЛАСТЬ В УКРАИНЕ И РОССИИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Николай ГОРЕЛОВ — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины, кандидат исторических наук

Хотел бы напомнить вам слова отца украинской политологии Вячеслава Липинского. Размышляя о будущем независимых славянских государств, которые должны были возникнуть на обломках Российской империи, он писал: "Политический союз с Белоруссией и Российской империей, это категорический императив внешней политики Великоруссией — это категорический императив внешней политики

нашего будущего государства, нашей будущей правящей аристократии. Только активной политикой в делах "Русского Востока" Украина сможет обеспечить для себя — добывшее ее внутренними силами — независимое государственно-национальное существование. Пассивная позиция приведет нас неминуемо к кручу, к новому порабощению нас более активными в этом направлении нациями. Такая активная политика может быть тройкой:

1. Или как авангард демократического Запада в разрушении и разложении Русского Востока.

2. Или как авангард охлократического Востока в разрушении Запада.

3. Или, наконец, как авангард в органическом классократическом возрождении Русского Востока, в его обороне как от западной демократии, так и от азиатской охлократии. Только третий путь является нашим старым традиционным национальным путем, от времен государства Галицко-Владимирского, Литовско-русского и казацкого, в период его могущества при великом Богдане. Украина, как отдельное независимое национальное государство, должна либо погибнуть, либо возглавить великое грядущее движение — органического и национального возрождения всех трех Русей: их героического усилия сбросить с себя как смердящее иго восточных кочевых охлократических орд, так и грязную лапу листивой и разлагающей, сегодня триумфирующей западной демократии. И даже всевозможные т.н. "международные комбинации" Украина сможет использовать во благо себе только тогда, когда она в вопросах "Русского Востока" будет силой позитивной, созидающей, а не негативной, разрушающей, когда органическое, классократическое и национальное возрождение трех Русей (в котором Украина имеет все данные занять первое место) укрепит их общую союзную силу, а не ослабит эту силу по сравнению с минувшей "всероссийской силой" — формой их охлократического и механического "неделимого единства", которую они с величайшим вредом для себя до сих пор реализовывали".

Простите за длинную цитату, но мне представляется, что идея будущего союза славянских государств нуждается в теоретическом подтверждении с украинской стороны. Итак, попробуем согласиться с Липинским. Как это ни парадоксально, никому в мире, кроме друг друга, мы, по большому счету, не нужны. Означает ли это, что нынешняя Россия, Украина и Беларусь должны немедленно начать сближение. Категорически нет! Сегодня мы не сможем научить друг друга ничему хорошему. Ни в России, ни в Украине, ни в Беларуси

не сформировались политические нации, общества не стратифицированы по классократическому признаку, не научились наделять властью действительно лучших представителей каждого класса, не выработаны механизмы, которые заставили бы правящую неономенклатуру действовать в интересах нации и государства.

Я считаю, что на данном этапе любое более тесное сближение чревато тем же, чем контакты больных инфекционными заболеваниями людей — вместо того, чтобы облегчить страдания партнера, есть очень большие шансы наделить его еще и своей хворью. Пока у власти в наших странах пребывают кланово-мафиозные режимы, способные только к саморазрушению, любое объединение их усилий приведет к продлению агонии криминальных властных монстров, а значит, продолжит страдания наших народов, их вырождение и дегенерацию. Переболев же "детскими болезнями" посткоммунизма, выработав стойкое отвращение к пропагандируемой сегодня "формуле успеха", создав, наконец, политические нации и гражданские общества, можно начинать медленное и осторожное движение навстречу друг другу.

Как долго продлится период сознательного отчуждения? Это будет зависеть от внутренних сил наших народов, от того, как быстро они сумеют избавиться от нынешнего беспредела. Сейчас же ельцинская Россия может только пугать украинцев и белорусов призраком очередной гражданской войны, которая, по традиции, будет немедленно экспортирована на наши территории, а Украина и Беларусь — смешить россиян хуторянством в копировании московского "реформаторства".

Кстати, копирование это в исторической ретроспективе дорого стоило украинскому народу. Так, 79 лет назад "пример" Москвы, подкрепленный недееспособностью местных властей, привел к крушению украинской государственности. Д. Доцлов так описывает это явление: "Равенство рабов перед сильным властелином и господином воспринималось как равноправие свободных граждан, и легенда о "демократической" России приводила к формальному опустощению среди вульгарно мыслящих масс. Этому способствовала и новая легенда о России — носительнице политического и общественного прогресса. Импульсивная игра сил в варварском, неуправляемом обществе, естественный взрыв негодования в деспотически управляемом крае — принимались как проявление колоссальной духовной энергии, конвульсии сломанного деспотической болезнью организма — за признак его сопротивляемости и большой жизненной силы. На Западе, с его стабильным порядком, каждое действие по его

перестройке должно исходить из железных правил общественного развития, которые диктовали ее характер и тактику. В России эти правила не обязательны для социальных реформаторов, которыми там становятся еще на гимназической скамье. Там мечталось о мгновенном прыжке из царства кнута в царство свободы, там дважды два могло быть не так, как на "гнилом" Западе — четыре, но иногда три, а, случалось, и пять и даже десять! В азартной психике славянина вообще, а украинца в особенности, Россия представлялась еще недавно страной мечты, а возможно, и землей обетованной. Дикость и некультурность там притягивали к себе дикие и некультурные элементы тут". Не правда ли, очень точная картина, повторяющаяся и в наши дни с одной лишь разницей: если тогда Россия экспорттировала в Украину социалистические идеи, то сейчас — "законы" бандитской стати, которые с удовольствием исповедуют и наши правящие структуры.

И еще об экспериментах. Украинский народ по своей природе консервативен. Он приспосабливается к самым тяжелым условиям и правилам жизни и предпочитает адаптацию к уже известному, поиску острых ощущений. Россияне же, как справедливо отмечал Донцов, прирожденные экспериментаторы. Казалось бы, что в этом плохого, экспериментируйте на здоровье. Однако одной России экспериментировать скучно. Поэтому только в этом столетии украинцы "за компанию" должны были пережить эксперименты социальной революции, коллективизации, голода, истребительных войн, перестройки и, наконец, нынешних "реформ". "Цо зашадо, то не здрово", говорят поляки и я с ними полностью согласен. Давайте же экспериментировать порознь.

После поражения в чеченской войне, колоссального ослабления позиций России на международной арене, где она вынуждена все в большей степени играть роль заурядного статиста, нашей северной соседке просто необходим сколько-нибудь значительный успех хотя бы в так называемом ближнем зарубежье. Тем более, что битой оказалась ставка на наиболее азартного "интегратора" А. Лукашенко — его режим в Беларуси после неудачных "силовых" движений переживает глубокий кризис с непредсказуемыми последствиями.

В этих условиях, как говорится, сам Бог велит московским политикам бросить на стол последний козырь — "украинскую карту". Сценарий тут хорошо отработан — любыми путями втянуть Украину в российскую смуту, а там глядишь, подцепить на имперский крючок порядком исхудавшего, но все еще достаточно привлекательного в гастроэномическом отношении украинского карася. Политику, который

сможет приписать себе "заслугу" удачливого рыбака, практически обеспечено ведущее место на российском олимпе.

Первыми отправились не "рыбалку" А. Лебедь и Ю. Лужков, озвучившие российские претензии на Севастополь и весь Черноморский флот. За ними последовал практически весь состав Государственной Думы. И то, что эти заявления и решения не имеют для нас каких-либо юридических последствий, не должно никого вводить в заблуждение — предецент создан, повод для давления есть и оно будет продолжаться, какие бы соглашения между нашими странами не были подписаны.

В этих условиях свое сдерживающее слово должна сказать российская интеллигенция, независимые научные круги. И даже если это слово утонет в волнах толпы современных Распутиных, это слово утонет в волнах толпы современных Распутиных, то оно в войдет в историю, с благодарностью отзовется в наших сердцах.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УКРАИНЫ И РОССИИ В РАМКАХ СНГ

Виктор БУДКИН — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом мировой экономики и международных отношений НАН Украины

Специфической сферой взаимодействия национальных интересов Украины и России является их участие в Содружестве независимых государств. Следует подчеркнуть, что в украинском обществе преобладает определенное отождествление СНГ и РФ, что влияет и на отношения политических структур к этой организации.

Концептуальные основы позиций руководства обеих стран к СНГ резко отличаются:

— украинская модель функционирования Содружества основывается на приоритетности двусторонних связей, прежде всего в экономической области, отказе от участия в совместной военно-политической деятельности (в соответствии с внерегиональным статусом Украины), отрицании необходимости функционирования наднациональных органов, негативном отношении к форсированию интеграционных процессов;

— российская модель базируется на приоритетности многостороннего сотрудничества во всех его сферах, включая политику, экономику,

информационное пространство, целесообразности ускорения интеграции постсоветских государств.

Совокупность факторов определила "получастие" Украины в СНГ с довольно неопределенным ассоциированным статусом, чем до последнего времени удовлетворялась и РФ как ведущая сила этой организации. Однако создание в январе 1995 г. Таможенного союза, подготовка к формированию Платежного союза существенно изменили ситуацию в СНГ, особенно в сфере российско-украинских отношений. Введение Россией НДС квот на импорт товаров отрицательно оказывается, прежде всего, на экспорте Украины как крупнейшего торгового партнера РФ. Фактически изменяется и сам статус СНГ — его роль как органа политических и экономических компромиссов и компенсации торговых дисбалансов сменяется превращением его в инструмент жесткого давления на стран-участниц для включения их в инициированное РФ ускорение интеграции.

Соответствует ли это национальным интересам России применительно ее отношениям к такому крупнейшему партнеру, как Украина? Для ответа на этот вопрос рассмотрим возможные последствия современного развития событий.

Сокращение поставок украинских товаров на российский рынок отрицательно скажется на экономических интересах самой РФ, прежде всего, по линии выплаты ранее реструктуризованных долгов за энергоносители, а также встречных закупок российских товаров, неконкурентоспособных на мировом рынке. Невозможность оплаты новых поступлений энергоносителей из РФ резко обострит экономическую ситуацию в Украине, что с политической точки зрения ухудшит имидж России у украинского населения, а с экономической — заставит даже с учетом экономических потерь (невыгодные кредиты, концессионные соглашения и т.д.) переориентироваться на другие источники снабжения. Учитывая осложнения на западноевропейском рынке энергоносителей, неизбежны в этом случае ответные действия по повышению цен на их транзит по территории Украины — подобное развитие событий также не в интересах РФ. Ухудшение условий поставок сахара и другой продукции АПК вызовет политический отклик украинского парламента, где значителен удельный вес представителей села.

С другой стороны, ухудшение позиций Украины в СНГ и в ее экономическом сотрудничестве с Россией только усиливает "европоцентристские" тенденции Киева. В послании Президента Л. Кучмы Верховному Совету (2 апреля 1996 года) впервые четко сформулирован тезис о том, что "интеграция в Европу — это наш сознательный и

стратегический выбор".

Национальным интересам как Украины, так и России не отвечают ни торговая война между ними, ни полная изоляция Украины от интеграционного ядра СНГ, следствием чего станет ее неизбежный выход из этой организации (российская общественность вряд ли зачислит это в положительный баланс современного руководства РФ). Наиболее рациональным путем является разработка взаимовыгодного механизма сотрудничества Украины с Россией и другими членами Таможенного союза с учетом возможностей более эффективного использования транзитного положения Украины, расширения связей на региональном и фирменном уровнях, восстановления производственной и научно-технической кооперации, в том числе для совместного закрепления в ряде ниш мирового рынка, развития всех других форм связей, способствующих стабилизации экономического и политического положения партнеров.